

*Сегодня Школами часто называют обычные тренинги, цель которых — натаскивание, дрессировка навыков для достижения успеха. Школа гражданского просвещения с самого начала вернула слову великий смысл — **свободные** занятия свободных людей в **свободное** время.*

Во имя чего? Во имя Просвещения. Кант недаром говорил, что общество само себя просветит, если дать ему свободу. И Школа просвещения никого не тренирует; она просто втягивает нас в свободу. Блестящая книга философа и светоча Школы Юрия Сенокосова связывает эту практику с ключевыми идеями европейской культуры, дает ей интеллектуальный камертон.

Александр Архангельский,
писатель, ординарный профессор НИУ ВШЭ

«Просвещение работает», — утверждает Юрий Сенокосов, развивая классические идеи, почерпнутые из истории политической мысли, моральной философии и педагогической практики. «Истина коммуникативна» — таково еще одно положение этой книги, которая вся является осуществлением этого тезиса. Обобщая философскую традицию, связавшую Просвещение с истиной, общением и миром, — особую традицию, восходящую от Канта и дошедшую до нас через Бахтина,

Мамардашвили и Сенокосова, — эта книга не только подводит итог богатому и трудному опыту гражданского просвещения в России, но и закладывает основу для многих будущих начинаний.

Александр Эткинд,
профессор Европейского университетского
института во Флоренции

Сегодня, когда говорят, что эпоха Просвещения закончилась, практические соображения подменяют идеи, а просвещение сведено к тренингам, Юрий Сенокосов и Лена Немировская продолжают верить в идеалы. Так они построили свою Школу, которой руководят уже почти 30 лет, так написана и книга Сенокосова. Она напоминает нам, что именно Просвещение привело к появлению гражданина и гражданского общества. И что идеал комфортной и безопасной жизни, к которому удалось приблизиться в некоторых странах, возник только благодаря развитию независимого от власти мышления и свободной дискуссии.

Ирина Бороган и Андрей Солдатов,
авторы книг «Новое дворянство», «Битва за Рунет»

Российская либеральная мысль жива. Об этом наглядно говорит книга Юрия Сенокосова. После долгого кризиса у либералов появляются новые возможности, чтобы предложить свободу, ответственность и гражданственность как ориентиры. Эти ориентиры важны не только востоку, но и западу Европы. Идеи Сенокосова и практики Школы — важное послание стране и миру во время поиска целей для нового государственного строительства.

Михаил Минаков,
политический философ, Украина

Эта книга, небольшая по объему, но богатая по содержанию, предлагает подходы к основным проблемам современного общества. Ее автор, Юрий Сенокосов, российский философ, прослеживает наследие Просвещения, увязывая в исключительном интеллектуальном путешествии религию, демократию, универсальные ценности, историю тирании, политику, этику и индивидуальную волю человека в его пути к личной свободе. Путь к свободе и мысли и есть путь (московской) Школы гражданского просвещения, которую основали более четверти века назад Юрий Сенокосов и Лена Немировская. Книга обязательна к прочтению тем, кто хочет понимать настоящее (сегодняшний мир).

Мигель Бельтран де Фелипе,
профессор административного права,
Университет Кастилия-Ла-Манча

Про что эта ободряющая, очень ко времени книга? Про возможность и необходимость диалога разных людей и разных культур в условиях, когда кажется, что из этого диалога ничего не получается — особенно в наших условиях. Про свободу, которую сейчас так многие готовы променять на иллюзорную безопасность. Про необходимость взросления, когда так хочется остаться под опекой. Про мужество додумывать мысли до конца, какими бы горькими эти мысли ни были. Про мышление, которое преодолевает сопротивление бытия. Про упрямство в делании своего дела и отстаивании своей позиции, когда кажется, что дело это вполне безнадежно, а позиция проиграна. Про Школу гражданского просвещения, которая три десятка лет вовлекает в свою орбиту очень разных людей, создавая удивительное пространство захватывающей интеллектуальной коммуникации.

Виктор и Виктория Мучник,
журналисты, выпускники Школы, г. Томск

Современное общество, свободное и процветающее, состоит из граждан, понимающих и принимающих ответственность за свои действия. Елена Немировская и Юрий Сенокосов создали Школу гражданского просвещения, которая помогла тысячам россиян стать гражданами, взять на себя ответственность за себя и свою страну.

В этой книге один из основателей Школы, Юрий Сенокосов, размышляет о вызовах современного мира и о том, что может сделать для него Школа.

Сергей Гурнев,
профессор экономики,
Институт политических исследований, Париж

Книга Юрия Сенокосова представляет собой прекрасный парадокс: в попытке найти «утраченный универсализм» он показывает нам, что универсализм на самом деле никогда не был утрачен. И даже напротив — до тех пор пока граждане мира будут, подобно автору, отстаивать идеи и идеалы Просвещения, универсализм не исчезнет с лица земли.

Михаэль Мертес,
советник федерального канцлера ФРГ Г. Коля (1987–1998)

Юрий Сенокосов

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО
УНИВЕРСАЛИЗМА
О Школе гражданского просвещения

Школа
гражданского просвещения
2020

УДК 304.9
ББК 60.0
С 93

Дизайн обложки *Анны Хохловой*

С93 Юрий Сенокосов.

В поисках утраченного универсализма. О Школе гражданского просвещения. М.: Школа гражданского просвещения, 2020. — 184 с.

Профессий, как и школ, много. Школа гражданского просвещения не о профессии. Ее миссия — в трансляции международным экспертным сообществом современного знания и понимания глобальных проблем для всех, кто готов обсуждать эти проблемы публично и включаться в процесс поиска их решения не только на глобальном уровне. Девиз Школы: «Все мы разные, но мы — граждане!».

Как увидит читатель, Школа появилась не на пустом месте — ее появлению предшествовало участие одного из ее основателей в издании серии книг «Из истории отечественной философской мысли».

В приложении публикуется беседа с Ю. Сенокосовым «Не зачеркнуть, не начинать сначала...».

УДК 304.9
ББК 60.0

ISBN 978-5-93895-128-0

© Юрий Сенокосов, 2020
© Школа гражданского просвещения,
2020

Содержание

К читателю	
<i>Джон Ллойд</i>	4
Почему мы должны говорить об универсализме	
<i>Катрин Лалюмьер.</i>	7
Универсализм обязывает нас воспринимать планету как «общий дом»	
<i>Марко Полити</i>	11
Кому и для чего нужна наша Школа?	
<i>Лена Немировская</i>	15
<i>Предисловие</i>	17
Культур много, цивилизация — одна	24
Обществу граждан — гражданское просвещение	38
О гражданине и гражданском просвещении	53
От веры в спасение к доверию	67
С чего начинается Школа	82
Мировоззренческая альтернатива	92
Куда движется Россия	120
Либеральный лексикон	138
Вместо заключения	150
Благодарности	160
<i>Приложение</i>	
Не зачеркнуть, не начинать сначала... ..	161

К читателю

В своем предисловии к книге Лена Немировская, основатель Школы гражданского просвещения, пишет, что никто не рождается гражданином. Гражданин — результат воспитания, образования и просвещения, то есть совместных усилий человека и общества. В этом цель Школы и смысл длящихся уже три десятилетия трудов — непростых трудов — Лены и Юры, вдохновляемых идеализмом, преданностью делу, международным признанием тысяч людей, которые верят в значимость Школы для себя, общества и будущего.

Признание и восхищение, которое Школа снискала во многих странах мира, увы, не находят отражения в ее официальном статусе на родине — в России. Названная «иностранным агентом» в соответствии с законом 2012 года, Школа фактически лишена возможности работать в России. Лена и Юра, для которых чувство любви к стране многое значит, остро это переживают. Однако с присущей им энергией и оптимизмом они, как и вся команда Школы и их друзья по всему миру, сделали ее поистине международной.

А именно — ее эксперты, участники семинаров и выпускники по всему миру продолжают не только обсуждать волновавшие их изначально вопросы и проблемы, но и раскрывать их суть. Суть верховенства

права, прав и обязанностей гражданина, демократического управления, конституционализма, либерализма и консерватизма, свободы слова — все это заслуживает действительно более глубокого анализа, обсуждения, критической оценки, причем повсеместно — в России, в Центральной и Восточной Европе и в мире в целом.

Подобный подход значительно расширил область компетенции и географию Школы. За три последних десятилетия в России и в странах бывшего «социалистического лагеря» появились сильные прогрессивные и реформистские течения, охватившие все поколения, весьма различные между собой, но приверженные ключевым ценностям Школы. Наблюдаются также существенные различия между проблемами, стоящими перед системой демократического управления и гражданского общества в государствах Востока и Запада. При этом следует отметить, что демократии, несмотря на все недостатки, принципиально отличаются от авторитарных и деспотических режимов, вне зависимости от экономических успехов или расширения сферы влияния последних.

Как обогатить демократическое поведение и принципы гражданского участия; как пользоваться свободами слова и печати; как воспринимать мир, в котором изменения невероятно ускорились и могут привести к потере ориентиров; как понять роль суверенитета и глобализации в отношениях гражданина и государства. В той или иной форме это и есть суть гражданских дебатов в современном мире.

Сегодня Школа — в эпицентре этих дебатов, и ее роль будет только возрастать. История основания и развития, репутация и поддержка, которой Школа пользует-

ется в мире, сетевое сообщество и идеи, наряду с упорным трудом и усилиями всех ее участников, позволяют ей оставаться важным центром свободы слова. Юрий Сенокосов был и остается главным интеллектуальным и нравственным вдохновителем Школы, эта книга — замечательный плод его размышлений.

Джон Ллойд,
пишущий редактор, The Financial Times
Май 2020 г.

Перевод с английского Марка Дадына

Почему мы должны говорить об универсализме

В 1989 году с падением Берлинской стены Европа пережила масштабное политическое потрясение. Это историческое событие изменило не только жизнь европейцев, но и облик всего мира. А Лена Немировская и ее муж, Юрий Сенокосов, три года спустя решили открыть Школу политических исследований в Москве, которая впоследствии привела к созданию 20 подобных школ на постсоветском пространстве, в Европе и за ее пределами.

В то время я занимала пост Генерального секретаря Совета Европы и с большим энтузиазмом поддержала эту идею. Падение Берлинской стены стало следствием провала политики Восточного блока, провалом коммунизма и диктатуры пролетариата, провалом любого рода авторитарных и тоталитарных режимов. Казалось, наконец восторжествовала демократия плюрализма, основанная на уважении к правам и свободам человека.

Большинство граждан, живущих в странах Восточного блока, как и лидеры этих стран, выступали за радикальные изменения. Одним из значимых событий того времени был визит Михаила Горбачева в Совет Европы с предложением о создании «общего Европейского дома».

Наши лидеры на Западе приветствовали революционные изменения и были открыты к принятию новых членов. Я лично приложила все возможные усилия, чтобы Совет Европы следовал этому курсу. Этим и объяснялся мой энтузиазм в поддержке идеи, предложенной Леной Немировской, которую годы спустя, к моей великой радости, я могу назвать настоящим другом.

Вскоре естественным стал вопрос, достижима ли в принципе радикальная смена парадигмы?

До сегодняшнего дня интеллектуалы и политики продолжают задаваться этим вопросом — насколько глубокими могут быть настоящие изменения в культурах с такой долгой историей идеологии и политической системы, несовместимыми с сегодняшними вызовами. Эти же вопросы задает и автор этой книги.

Со своей стороны я хотела бы подчеркнуть один очень важный момент — роль просвещения во всех процессах трансформации, что только подтверждает важнейшую миссию школ политических исследований (созданных по образцу Московской школы).

Я не верю, что люди рождаются демократами или гуманистами, но я совершенно уверена, что ими становятся в результате просвещения, образования, размышления, и потому школы (политических исследований) столь важны в сегодняшнем мире.

Невежество — самый страшный враг демократии и ценностей гуманизма. Невежество и незнание истории, географии, философии, теологии. Брошенные на произвол судьбы, человеческие существа без сомнения окажутся в ситуации, где «человек человеку — волк», как предупреждает нас старая пословица. Только знание и

мышление способны помочь «волку» стать гражданином, уважающим права Другого.

Возражения по поводу универсальности прав человека звучат постоянно. Многие считают невозможным и ненужным насаждать систему универсальных ценностей в обществах, которые в своей истории опирались на противоположные идеи.

Мы же неизменно руководствовались идеей объединения стран Восточной Европы внутри «европейской семьи» под эгидой Совета Европы на прочном фундаменте разделяемых всеми универсальных ценностей.

Но сегодня мы стали свидетелями растущего числа думающих иначе в таких странах, как Венгрия, Польша, Россия. Один из расхожих аргументов при этом — идея, что ценности, о которых мы говорим, не универсальны по своей природе, что они идут вразрез с ожиданиями граждан, чья история связана с авторитарными политическими системами.

Эта проблема в центре размышлений Юрия Сенокосова, и я сама часто задавала себе вопрос и пришла к однозначному заключению: да, эти ценности важны и служат на благо обществу. Они помогают сохранить разнообразие и содействовать его развитию в тех областях, где различия самоценны — например, в искусстве и фольклоре, — а их отсутствие может сказаться пагубно и привести к уничтожению целых культурных пластов. Но когда речь заходит о фундаментальных философских или теологических ценностях, которые имеют влияние на человечество в целом и на отдельных людей, различия перестают быть уместными, и мы должны переходить на язык универсализма.

Как человеческие существа мы обладаем достоинством, и какую бы форму ни принимала политическая система, в основание базовых ценностей должно быть заложено уважение к человеческому достоинству.

Поэтому нам нужно говорить об универсализме. Люди, как и страны, могут выбирать различные политические системы, и в то время, когда различия поддаются объяснению и становятся понятными, любая из этих систем должна основываться на уважении к основным ценностям.

К сожалению, в современном мире, включая Европу, мы становимся свидетелями роста авторитаризма во многих странах. Авторитаризм всегда рискует обратиться в тоталитаризм, который принес европейцам столько страшных страданий в XX веке. Расизм, ксенофобия и радикальный национализм пускают свои ростки повсеместно. Мы должны донести до молодых людей всю опасность и вред, который эти концепции несут с собой, что неоднократно доказано нашей общей историей.

Нет ни малейшего сомнения в том, что школы политических исследований и Московская школа, которая первой встала на этот путь 30 лет назад, движутся в нужном направлении и призваны сыграть важную историческую роль.

Катрин Лалюмьер,
Генеральный секретарь Совета Европы (1989–1994)

Перевод с английского Инны Березкиной

Универсализм обязывает нас воспринимать планету как «общий дом»

11 января 1881 года в театре «Ла Скала» в Милане состоялась премьера балета «Эксельсиор» в постановке Луиджи Манцотти на музыку Ромуальдо Маренко. Это музыкальная аллегория в 11 картинах о триумфе Прогресса. Победа Света и Цивилизации над Мракобесием. На сцене были представлены величайшие изобретения и достижения того времени. Пароход, телеграф, электрическая лампа, Суэцкий канал... Конец XIX века совпал с наивной верой в прогресс и распространением либерально-демократической цивилизации.

Тоталитаризм и мировые войны XX века разрушили эту иллюзию. И началась эпоха реконструкции.

В то же время человечество понимает, что развитие права, общества, культуры и экономики может быть прервано. Мир сотрясают глубокие кризисы. Они возникают неожиданно, как извержения вулканов, считавшихся потухшими.

Чума, поразившая нашу планету в 2020 году, знаменует собой переломный момент в истории мировой глобализации XXI века. Все мы внезапно оказались перед лицом неминуемой смерти. Десятилетиями смерть символически отдалялась от нас. Она имела отношение

к «другим» людям. На экранах телевизоров мелькали войны, бойни, убийства; они происходили в далеких от наших границ или в соседних странах, но напоминали скорее кинофильм, показ которого можно прервать одним щелчком мыши.

Даже смерть родственников в течение долгого времени была событием, которому мы не сопереживали все вместе в семье. Люди на пороге смерти оказывались в больнице или доме престарелых. Смерть не должна была досаждать современной жизни. И вот чума под названием COVID-19 вывела смерть на первый план. Эпидемия, голод, нищета, безработица, растерянность — все это обрушилось на наши головы.

Восстановление общества и экономики, пострадавших от эпидемии, ставит перед нами главный вопрос: чего мы хотим? Построить инклюзивное общество, в котором у каждого человека будет возможность стать гражданином, участвующим в жизни государства, или восстановить прежнее общество, в котором живут слои обездоленных и отверженных людей, а решения принимаются ограниченным кругом сверхбогатых и влиятельных людей?

До пандемии мир был болен неравенством и страдал от деградации природы. Наряду с сохранением авторитарных режимов он был свидетелем подъема политических движений, основанных на навязчивой, ксенофобской, нелиберальной идентичности, которая вдохновлялась культурой ненависти.

Быть может, пандемия COVID-19 — это возможность построить иной мир. Глобальное сообщество, в котором действительно все люди являются гражданами. Нечто отличное от дарвинистской глобализации,

при которой отдельный человек, группа, нация пребывают в состоянии безжалостной борьбы с другими.

Универсализм обязывает нас воспринимать планету как «общий дом», нуждающийся в заботе.

Обрести его означает сегодня подтвердить роль и необходимость принципа мультилатерализма.

Есть человек, который в последние годы неустанно напоминает нам, что миру нужна глобализация солидарности, а не «глобализация безразличия». Его зовут Хорхе Марио Бергольо, но известен он больше как папа Франциск. С самого начала он обратился не только к католикам, но и к мужчинам и женщинам нашего века, поверх в том числе и религиозных границ. Смысл его обращения прост. Тебе плохо, если рядом страдают люди. Нужно смотреть всеобщему страданию в лицо, чтобы вместе противостоять бедам планеты. Это означает самоотверженно трудиться в своей стране ради «общего блага» других стран.

Франциск говорит простым языком. Он увещевает нас заглянуть в лицо бедняку, которому мы даем милостыню. Он будоражит наше безразличие, напоминая, что в таком городе, как Рим, мужчины и женщины умирают от голода и холода на улицах.

Чума COVID-19 страшит всех нас, так как беспощадно нависла над каждой страной. Однако столь же безжалостна и смертоносна судьба в отношении многих вынужденных мигрантов. Не менее безжалостна судьба миллионов и миллионов людей, вынужденных сегодня — не вчера, не во времена Древнего Рима и не на хлопковых плантациях в фильме «Унесенные ветром» — пребывать в самом настоящем рабстве. В том числе — сексуальном рабстве.

Безжалостной, как и эпидемия, является сегодня система финансовой грабительской экономики, которая вытесняет миллиарды людей на обочину жизни. Это в корне отличается от социальной рыночной экономики.

Неумолим ущерб, нанесенный сотням миллионов людей в результате климатических и природных изменений, вызванных ошибочными действиями человека.

Пророк не тот, кто предвидит будущее. Пророк тот, кто улавливает «знамения времени». А знамения времени, независимо от эпидемии, указывают на то, что глобальные бедствия и страдания наших современников вызваны отсутствием ответственности и солидарности.

Такой человек, как Франциск, не претендует на исключительность и ведет себя как простой ученик Христа. Он ставит вопрос, который является основным для каждого человека, имеющего дело с гражданским воспитанием. Хотим ли мы будущего после чумы для всех или только для победителей?

Марко Полити, писатель, Италия

Перевод с итальянского Геннадия Киселева

Кому и для чего нужна наша Школа?

Ответ на вопрос «для чего?» очевиден. Мир меняется: научная революция XVII века на европейском континенте положила начало открытиям и техническим изобретениям, породившим огромную фабрику по производству знаний и невероятные по скорости формы коммуникации. Общество потребления, в котором мы сегодня живем, — это одновременно и мир рекламы, который лишает нас свободного выбора, и, конечно, — телевидения, радио и социальных сетей, формирующих современное общественное мнение. Понятие «золотой миллиард», свидетельствующее о существующем дисбалансе в уровне жизни между населением развитых и развивающихся стран, появилось в условиях глобализации, которая вызвала и другой кризис — напряженное непонимание между теми группами населения, которые пользуются благами глобализации, и теми, кто по разным причинам лишен доступа к ним. Политики-популисты используют социальное неравенство и эту несправедливость во время избирательных кампаний, навязывая обществу «спасительные» традиционные ценности, основанные на идее культурной исключительности. Это неизбежно приводит к углублению уже существующих противоречий, обострению конфликтов и к использованию известного инструмента их разрешения — войне.

Как вести себя в такой ситуации? Мы знаем, что живем в мире информации. Но что это — ясное небо или облако, скрывающее солнце? На наших глазах демоны пропаганды осваивают всё более изощренные формы воздействия на сознание людей. Именно поэтому мы стремимся ответить на главный вопрос о том, кому и для чего сегодня нужна Школа гражданского просвещения.

Философы полагают, что вера без идеологических оснований — это метафизика, открывающая дорогу к свободе. И я готова это принять, так как понимаю страну, где в октябре 2015 года мы организовали и провели наш 1-й международный форум «В поисках утраченного универсализма», посвященный развитию гражданского общества.

Судьба послевоенной Германии показывает, как страна совершает то, что можно назвать историческим опытом искупления. Она прошла свой путь и внимательна к тому, чтобы молодые люди понимали, насколько значим этот опыт не только для их родной страны, но и для Европы и всего мира.

На мой взгляд, гражданин — свободный, ответственный, активный человек — одна из центральных фигур современного мира. Гражданственность — это то, что можно добавить к любой культурной идентичности. Она не дана нам от рождения, она воспитывается — через постоянное усилие быть гражданином. Поэтому девиз нашей Школы — «Обществу граждан — гражданское просвещение!».

Лена Немировская

17 ноября 2019 г.

Предисловие

Школа, о которой говорится в этой небольшой книжке, не похожа на другие школы. К профессии она прямого отношения не имеет.

Профессия, как известно, требует специальных знаний и навыков, которыми человек овладевает во время обучения. Однако сегодня, в результате пандемии коронавируса, когда традиционные вопросы жизни — зла и добра, свободы и безопасности — приобрели глобальный характер, наряду с профессией столь же, если не более, важно обретенное мировоззрение, миропонимание, то есть наше отношение к окружающей действительности и к самим себе.

Школа гражданского просвещения — это место для дискуссий и размышлений о смысле нашей совместной жизни в эпоху Интернета и возросшей потребности не только в специальных знаниях.

Напомню, что «спрос» на мировоззрение в европейской истории возник в эпоху Просвещения, а точнее, в XVIII веке, когда Шарль де Монтескье ввел в культурный оборот уже появившийся благодаря Локку термин «разделение властей», Адам Смит — ставшее знаменитым выражение «невидимая рука рынка», а Иммануил Кант заявил в своем эссе о просвещении: «Это выход человека из состояния своего несовершеннолетия»;

«Публика сама себя просветит, если только предоставить ей свободу». И тем самым христианский трехипостасный символ веры (Бог-Отец, Бог-Сын и Святой Дух) находит другое помимо церковного институциональное выражение в трехчастном разделении властей (законодательная, исполнительная, судебная) и трехчастной структуре судебной системы (прокурор, судья, адвокат).

Я обращаю на это внимание, чтобы подчеркнуть: демократия — это не власть большинства, а становление общественных институтов, ограничивающих ее.

Обладая свойством непрерывности, христианская история существует в долговременном мышлении благодаря постоянной интерпретации заложенных в ней смыслов.

Улучшается ли в результате род человеческий? Именно эту проблему в конце своей жизни Иммануил Кант выбрал для разрешения спора за первенство между философским, теологическим и юридическим факультетами*. Как и другие просветители, он был убежден, что движение человечества, по его словам, к царству целей — к космополитическому обществу разумных существ, преодолевающих национальные, религиозные и иные границы, не пустая мечта. Как и принцип, согласно которому, человек не должен рассматриваться как средство для кого-либо или чего-либо (одна из формулировок его категорического

---

* См.: *Кант И.* Спор факультетов / Пер. с нем. Ц.Г. Арзаканяна, И.Д. Копцева, М.И. Левиной; Отв. ред., автор предисл. и коммент. Л.А. Калининков. Калининград: Изд-во КГИ, 2002.

императива). То есть не возлагал надежды на естественные, природой данные законы развития мира, считая, что возможная человеческая гармония, как и гармония человека с природой, — дело ума, воли и рук самого человека.

В трактате «Спор факультетов» Кант настаивал, что философский факультет должен стать самостоятельным и быть основой университетского образования, открывая новые горизонты как для рождающихся наук, так и для традиционных областей практического знания: теологии, юриспруденции и медицины.

Этот кантовский акцент на философию в сфере образования остается актуальным и сегодня в условиях глобального кризиса и порождаемых им угроз, а значит, и в условиях поиска соответствующей стратегии его сдерживания. Или, другими словами, поскольку речь идет о мировоззрении, для открывающегося в этой связи мировоззренческого окна возможностей.

Что это за окно? Разумеется, окно философии, но с учетом перемен, произошедших за последние два столетия, и новых вызовов, таких как развитие и интеграция в общество искусственного интеллекта, сохранение приватности в эпоху больших данных, генетическая модификация человека.

Создавая более 25 лет назад Московскую школу политических исследований (после объявления «иностранным агентом» она продолжает свою деятельность как Школа гражданского просвещения), мы не знали, что, познав свободу, с ней невозможно расстаться. Но уже тогда было понятно, что свобода и демократия требуют мужества и понимания смысла гражданственности.

«Sapere aude! — таков девиз Просвещения», — писал Кант. — «Имей мужество пользоваться собственным умом!»

Девиз Школы: «Все мы разные, но мы — граждане!»), то есть не только родители, потребители, болельщики, зрители, чьи потребности и чувства остаются предметом частного интереса.

Способны и готовы ли мы в таком случае не просто желать, например, справедливости или добра, но участвовать в созидании общественной справедливости и добра, придавая им статус реального события? Не просто хотеть быть гражданами, а быть ими?

Можно ли ответить на эти вопросы? Человек обычно удовлетворяет свои повседневные желания и знает, как это делать, поскольку делает это руками. Гражданское же общество — нечто нерукотворное. Так как же понять его смысл и необходимость? Только заглянув в себя, через собственное развитие и просвещение. Лишь так можно влиять на окружающую действительность, когда в ней нет основы для независимой гражданской жизни и совместного существования различных общественных сил и экономических интересов.

Гражданственность — это перспектива создания такого мира, где права и свободы человека первостепенны. Или, другими словами, способ бытия, открывающий человеку возможность его личной реализации в том, что не менее важно, чем профессия. Поэтому главную задачу Школы мы видим в просвещении гражданина — свободной и ответственной личности и появлении общества, не считающего государство хозяином или врагом.

Идея универсальной человеческой цивилизации впервые родилась в Европе и основывалась на двух ее

достижениях — науке и праве, не требующих специальных разрешений и потому способных распространяться по всему миру. Сегодня в условиях нарастающего из-за пандемии кризиса вопрос о единой цивилизации не снят с повестки дня. Ее продолжают искать на путях дискуссий и диалога.

По прошествии более 25 лет мы можем сказать: просвещение работает. Люди, приезжающие на семинары Школы, меняются, учатся осознанно воспринимать происходящее в мире, задавать вопросы, оттачивают навык критического мышления, постигают ценность прав и свобод человека. Именно эти люди готовы к следующему шагу — к построению мира, где во главу угла ставятся не технологии или деньги, а человеческая жизнь.

Наблюдая за тем, что происходит сейчас в мире — за отходом от базовых либеральных ценностей в некоторых демократических странах, за желанием отдельных государств использовать новые технологии для установления тотального контроля над гражданами, за доминированием экономических целей и пренебрежением правами и свободами человека, — мы все больше убеждаемся в том, что в гражданском просвещении в послекоронавирусное время будет нуждаться не только российское общество, но и мир в целом.

Школа гражданского просвещения существует, чтобы утверждать жизненные ценности и развивать человеческие способности к осмыслению происходящего, поскольку только это может гарантировать выживание человечества как вида в новом столетии с его технологическими, пандемическими и политическими вызовами.

Формирование гражданского самосознания в эпоху изменения климата имеет прагматический смысл.

Частная инициатива, частный бизнес, комфортная для жизни среда невозможны без человека, осознающего себя гражданином. Он здесь главная фигура. Воспитание такого гражданина — наша общая задача. Именно поэтому мы приглашаем вас принять участие — личное, интеллектуальное, финансовое — в нашей просветительской деятельности.

Меня в большей мере интересует то общее, что присуще всем людям, независимо от их этнической и религиозной принадлежности, от культуры, в которой они выросли; то, что большинство людей рассматривает как основу совместного цивилизованного существования.

Михаэль Мертес,
советник федерального канцлера ФРГ Г. Коля
(1987–1998)

Я придерживаюсь формулы, когда-то четко сформулированной Мерабом Мамардашвили: «Культур много, а цивилизация одна». Поиск такой универсальной цивилизации, способной объединить человечество при всей разности культур, я считаю подлинной миссией. Вопрос лишь в том, кто ее возьмет на себя и как она может быть реализована.

Вадим Межуев, философ

*Культур много, цивилизация — одна**

Известно, что слова «глобальный» и «универсальный» латинского происхождения и обозначают фактически одно и то же. А именно — что-то всеобщее. Но есть между ними и важное различие. Если прилагательное «глобальный» (от латинского *globus*, то есть «шар») определяет нечто, относящееся к территории всего земного шара, — отсюда термин «глобализация», — то слово «универсальный» (от лат. *universalis*) хотя и обозначает всеобщую категорию, но уже не как существующую в пространстве постоянно, а как включающую в себя некую меняющуюся общность людей.

И к сказанному добавлю: кроме латинского «глобус», есть также слово греческого происхождения — «сфера», тоже обозначающее шар, но имеющее другой смысл.

Сфера — это то, что находится над земным шаром. В XX веке французский теолог и исследователь Пьер Тейяр де Шарден и русский ученый Владимир Вернадский назвали этот феномен ноосферой и предложили отличать его от биосферы. Ноосфера — это особое

---

* В основу этого текста положено выступление на I Международном форуме в Берлине «В поисках утраченного универсализма» 22 октября 2015 г.

состояние биосферы, в которой ключевая роль принадлежит человеческому разуму, с помощью Интернета фактически завершающему в наше время создание искусственной «второй природы».

И назову еще один термин — «универсалия», напомнив, что в Средние века «универсалиями» и «трансценденталиями» философы и теологи называли общие понятия и спорили об их происхождении. Суть же спора сводилась к следующему.

Все мы нередко употребляем слова «вид» и «род», не задумываясь об их происхождении. Философы же еще в античное время задавались вопросом: существуют ли роды и виды самостоятельно, материальны они или же существуют только в мышлении? А если только в мышлении, то — отдельно от чувств или находятся в чувственных явлениях?

Сегодня мы живем не просто в мире знания, полученного благодаря нашим органам чувств, а в мире научного знания: в мире физики, биологии, математики, социологии, политэкономии. Ученые продолжают поиск, как сказал бы Эйнштейн, общих элементарных законов, из которых с помощью дедукции можно составить картину мира. Но к этим законам ведет, говорил он, не логический путь, а основанная на проникновении в суть опыта интуиция, благодаря которой понятия, формулирующие закон, могут развиваться и со временем оказаться недостаточными. Поэтому ученый должен обладать своеобразным религиозным чувством, то есть не считать, что те взаимосвязи, которые он постигает, впервые замечены именно им.

Возвращаясь к вопросу о родах и видах, следует подчеркнуть, что эта тема в Европе стала основой почти

тысячелетнего схоластического спора об универсалиях, в ходе которого выделились три основных подхода к его разрешению — школы реалистов, номиналистов и концептуалистов.

Первые признавали объективную реальность общих понятий (универсалий), то есть полагали, что они существуют независимо от материальных вещей. Номиналисты считали, что общие понятия являются именами (лат. *nōmen* — «имя», «название») единичных предметов, то есть утверждали первичность вещей и вторичность понятий. Концептуалисты же отрицали реальное существование общих понятий независимо от единичных вещей (в противоположность схоластическому реализму), но признавали, в отличие от номиналистов, наличие в уме концептов, *зародышей* мысли, стимулируя развитие логики и онтологии.

Поскольку доминирующей темой философии Нового времени был поиск оснований достоверного познания, также требовавший решения проблемы универсалий, спор продолжался, однако теперь его предметом стали трансценденталии (в кантовском смысле). Дискуссия ведется и в наши дни, но с ориентацией уже на языковое поведение как предельную смысловую, символическую реальность и на факт того, что общемировое распространение научных открытий и технических изобретений, ставшее возможным благодаря глобальному рынку, сопровождалось формированием культа национально-культурной суверенности, исключительности. Поэтому сегодня явно недостаточно только критически-негативного отношения к глобализации, необходимо выстраивать *моральную, мировоззренческую альтернативу* ее вызовам и угрозам. А именно — не забывать и думать об универ-

сальных ценностях, так как мы живем в эпоху, когда предшествующие формы и способы преодоления кризисных явлений фактически не работают. Это касается всех проблемных сфер мирового сообщества: экологии, кризиса в финансовой сфере, гонки и продажи вооружений, беженцев, демографии. До этого в истории Европы уже не раз предпринимались усилия для поиска мира и безопасности и преодоления эпидемий смертельных болезней: чумы, оспы, холеры. Философия Нового времени сформулировала задачу изучить природу и поставить ее на службу человеку. В середине XX века утверждается, как известно, идея коэволюции — совместного развития человека и природы. Но, судя по всему, даже хрупкий баланс между естественной и искусственной средой обитания человека сегодня также нарушен.

Возможна ли в этих условиях мировоззренческая альтернатива современному глобальному кризису?

Обратимся к истории Европы и ее великому наследию — Античности и христианству. Вспомним, что Античность оставила нам в наследство грамматику, логику и риторику, а также веру в завоевания человеческого ума. Христианство же внесло в европейское общественное сознание символ веры и идею (после «грехопадения Адама и Евы») нравственного возрождения человека.

Именно эти два начала определяли своеобразие европейской истории: ее динамизм, специфическую гибкую систему ценностей и понятий, ее способность к моделированию и проектированию социальных процессов на основе культурных символов и знаков, социально-упорядочивающих и научных, что позволило европейцам изобретать с целью достижения совместной более

комфортной жизни общие понятные категории, связанные с философией, сферой искусств, экономикой, разделением властей, судебной системой и т.д.

Это и есть вклад Европы в созидание современной мировой цивилизации. А начиналось все с грамматики, логики и риторики, так как древние греки решили, и не без оснований, что главное, чему стоит учить детей, — это умение грамотно писать, думать и рассуждать, убеждая других.

Логика, риторика и грамматика, писал в XIV веке английский философ и теолог Уильям Оккам, являются практическим руководством, а не умозрительными дисциплинами, поскольку эти три области знания управляют разумом в его обобщающей деятельности.

Я процитировал в данном случае Оккама, а не Августина, который жил на тысячу лет раньше и в сочинениях которого тоже встречаются похожие фразы, чтобы ответить на вопрос, как-то заданный философом Мерабом Мамардашвили: «Где была (античная) мысль, когда древние греки исчезли, а адресат еще не появился?» Разумеется, в языке в виде элементов или зародышей мысли.

Если Августина можно отнести к представителям эпохи универсализма веры, то Оккам ее фактически завершает, и начинается эпоха универсализма разума.

Первое теологическое описание названных дисциплин о языке и его использовании появилось в трактате Августина «О порядке». Позднее они получили известное название «тривиум», в переводе с латинского «перекресток трех дорог».

Напоминаю об этом, потому что со II века нашей эры именно на таком символическом перекрестке стали

встречаться духовно-религиозные вожди христианства, Учителя Церкви, демонстрируя прекрасное владение тривиумом во время споров и дискуссий о божественных догматах.

Итак, где была греческая мысль, когда древние греки исчезли, мы уже знаем — в языке. А языков, как известно, много. Я имею в виду не только естественные языки, но и профессиональные — языки философии, теологии, математики, физики, биологии, социологии, искусства, музыки и др. Однако мысль — это не язык и не знание, не понятие. Это концепт, от латинского слова *conceptum* — «зародыш».

Так где же находится источник мысли, не поддающейся компьютерной и иной логической формализации? Ведь когда мы говорим, то слышим и воспринимаем слова, их значения, смысл, а не просто физические звуки. Как можно, например, вообразить и создать то, что невозможно на первый взгляд даже представить? И тем не менее это происходит. Причем я имею в виду не только современную технику, современные города, предметы и вещи повседневного обихода, произведения искусства, то есть так называемую вторую, искусственную природу, но и независимую прессу, разделение властей, включая независимый суд и современную демократию.

Следовательно, на язык сегодня стоит и нужно обращать внимание. Ведь в любом языке (как естественном, так и искусственном) есть некая тайна происхождения, явно предполагающая осознание человеком своего несовершенства, которое он стремился и стремится преодолеть. Несовершенство в естественном языке — с помощью логики (науки о законах и операциях правильного

мышления), грамматики (науки о языке), искусства риторики, отвечающей за речевую коммуникацию. В области религиозного и светского искусства — с помощью создания музыкальных произведений, художественных и поэтических образов. В политической и социально-экономической сфере — с помощью разделения властей, права. Не говоря уже о современных технических средствах массовой коммуникации — печати, радио, кинематографе, телевидении, Интернете. Насколько успешно такое преодоление человеком своего несовершенства — другой вопрос. Но нет сомнения, что об этом тоже стоит думать, не забывая одновременно и об удивительных прозрениях, открытиях и изобретениях, возникших задолго до эпохи Нового времени, которые стали основой последующего познания человеком мира и себя в мире, а также развития общества.

То, что я сказал, несомненно, имеет отношение к культуре. А точнее — к цивилизации, поскольку культур, как и языков, много, а цивилизация одна. И дальше постараюсь это показать.

Известно, что новоевропейская культура возникла как естественная форма замещения религиозного культа, как способ секуляризации иудейско-христианских представлений о творчестве Бога. Именно секуляризация подорвала авторитет Бога и церкви, поставив на их место авторитет разума. Но это не значит, по выражению испанского философа Ортеги-и-Гассета, что разум человека отказался от веры, а вера перестала нуждаться в разуме. Причиной секуляризации было не сомнение в вере, а распушенность нравов среди католического духовенства, включая папский двор, вызвавшая

широкое общественное движение за реформирование церковных догматов и обрядов, а также первые зримые успехи и достижения разума в области науки, производства, градостроительства, развития торговли и т.д. Однако все это происходило пять столетий назад, а сегодня мы живем в эпоху глобализации, когда старый спор об универсалиях приобрел новые формы и рассматривается в наши дни в перспективе многообразия культур и обществ в контексте некоего единого пути развития. Культур много, а цивилизация одна.

Ученый наверняка сформулировал бы эту тему иначе — через соединительный союз «и» — культура и цивилизация. Журналист, по понятным причинам, тоже иначе, скорее через разделительный союз «или». У философа же Мераба Мамардашвили (1930–1990) это необычное словосочетание появилось в одном из его интервью 1989 года.

Появилось оно не случайно. Советский Союз распался, и думающие люди, естественно, реагировали на происходящие события. «И вы, люди Запада, и мы, с Востока, — говорил в те годы М. М., выступая на международном симпозиуме в Париже, — находимся в одной исторической точке <...> сходной по своей природе с тем, что предъявили нам Первая и Вторая мировые войны... перед нами все та же опасность и та же ответственность»; «У Европы нет возраста, она всегда в состоянии рождения. Именно так и следует рассматривать ее ответственность»*.

---

* Europe sans rivages. Symposium international sur l'identité culturelle européenne. Paris, janvier 1988. Paris: Albin Michel, 1988. P. 201–205.

А теперь цитата из названного интервью М. М. «Другое небо»: «Я считаю, что контакт между культурами невозможен. А то, что я называю контактом, есть то, что условно можно назвать цивилизацией — не в смысле уничижительного различия цивилизации и культуры. Наоборот, я считаю, что культур много, а цивилизация — одна. Она же и есть контакт. А в строгом смысле между культурами контакта быть не может. Тем более с культурами, которые возникали не на оси мировых религий»*.

То есть «не может» в принципе до эпохи *Axenzzeit* («осевого времени»), как сказал бы Карл Ясперс, который ввел этот термин и использовал его в своей книге «Истоки истории и ее цель». Ну а после «осевого времени»? Тоже не может, потому что, соприкасаясь, входя в контакт, культуры начинают «искрить» подобно электрическим проводам под напряжением. С одной оговоркой: благодаря изобретенному в XIX веке трансформатору для преобразования тока и устройствам релейной защиты электроэнергетических систем провода, «передающие ток» и несущие свет, не искрят.

Проводя эту параллель, я хочу подчеркнуть, что контакт между культурами все же возможен, когда появляются, назовем их так, социальные трансформаторы, выполняющие функцию цивилизующего начала. Решая разные задачи в разное время, европейцы (я имею в виду философов и физиков) добились тем самым фактически сходного цивилизационного результата. Изобрели две конструкции — социально-инсти-

---

* См.: Латинская Америка. М., 1990, № 3. С. 83–99.

туциональную и физическую, которые позволяют сохранять и передавать в одном случае естественный свет разума, а в другом — искусственный свет, энергию, производимую с помощью техники.

Говорят, человеческая жизнь — тайна, а ее разгадка относится к эпохе «осевого времени» (VII–II вв. до н.э.), и связана она с рождением человеческой личности как в Европе, так и в Азии. А именно — с появлением индивидуально и личностно датируемых моральных учений (Конфуций и Лао-цзы в Китае), мировых религий спасения (пророки в Палестине, Упанишады и Будда в Индии), греческих философов. Как пишет Ханна Арендт в своей статье «Карл Ясперс: гражданин мира?», это было время, когда мифологии были отвергнуты или использовались как основания великих мировых религий с их представлением о едином трансцендентном Боге; когда человек открывал Бытие как целое (заключенное в личности), а себя — как радикально отличного от всех прочих существ; когда впервые человек стал вопросом для себя самого и начал рефлексировать собственное мышление. Короче говоря, когда люди изобретали новые, индивидуальные формы жизни. Благодаря чему это стало возможным?

Благодаря открытой человеком способности трансцендировать свое природное, эмпирическое состояние, выходить за его пределы. Выходить не из себя, ведь тогда, как известно, мы теряем ум, а выходить за природное состояние, сохраняя ум, которому приходится иметь дело с знаниями, чувствами, действиями. Куда выходить? С эпохи «осевого времени» известно: к Богу, Благу, в Бесконечность, в Пустоту. Для ответа на этот вопрос существуют сегодня разные понятия (в матема-

тике — пустое множество, в физике — пространство, в социологии — социальное пространство). Пустота, говорят, не обязательно негативна, в ней скрыты и неожиданные возможности.

Итак, контакт — это акт понимания Другого, совершаемый человеком лично. Это и есть цивилизующее начало, которое блокируется культурами по разным причинам и самыми разными способами, как это происходило, например, в СССР, где большевики были уверены, что начинают историю с чистого листа.

Так что же, несмотря на это, побуждает тем не менее людей разных взглядов и вероисповеданий стремиться снова и снова к реализации в своей жизни таких абстрактных понятий, как общественное благо, справедливость, свобода, демократия?

С одной стороны, и я уже об этом сказал, знание о несовершенстве человека как такового, его склонности к обману, зависти, коварству, насилию, а с другой — здравый смысл, поскольку все мы в конечном итоге принадлежим к человеческому роду, и нас не оставляет надежда на преодоление — насилия в первую очередь — не только личными усилиями, но и усилиями общества.

Истина коммуникативна. Или можно сказать иначе: она находится там, где связь одного «я» с другими «я» происходит экзистенциально, на уровне чувств. И поэтому хотя истина ни на чем не держится, это не значит, что она не объединяет людей. Иначе философы и теологи не писали бы свои трактаты, не создавались бы произведения искусства и литературы. А в наши дни сторонники «разных истин» и люди разных национальностей не стремились бы к преодолению конфликтов и не

обсуждали на международных конгрессах и конференциях проблемы экологии, экономики, здравоохранения.

Повседневная наша жизнь далека от умопостигаемых идей, потому что естественный язык, на котором мы говорим, неизбежно склоняет нас искать ответы на волнующие вопросы в области видимого, слышимого, осязаемого, а не в том, что и как мы действительно воспринимаем, мыслим и понимаем.

Я обращаю на это внимание, чтобы снова вернуться к Ясперсу и напомнить, что основополагающим в его философии истории является термин «коммуникация», когда он говорит, что в сфере «экзистенциального» истина и коммуникация суть одно. И хочу подчеркнуть, что «коммуникация» Ясперса и «контакт» Мамардашвили фактически тождественны по смыслу. Если учесть, что с истиной ничего не происходит. Это уже слова Мамардашвили.

Истина, утверждал он, ни на чем не держится, но зато держит все остальное. А именно — непрерывность истории в ее цивилизационном, сознательном измерении. Сознательном в том смысле, что частица «со» в слове «сознание» указывает на измерение невидимого, на некую пропорцию (рацио). Или, другими словами, на факт знания, которое вербализируется человеком в состоянии, подобном озарению. Или — пониманию, которое случается здесь и сейчас, до всякого предварительного анализа, как метафизическая невозможность.

И это справедливо не только для русского языка, но и для английского, для языков романской группы, что явно указывает на некий первичный метафизический акт, конституирующий человека в качестве личности и одновременно выделяющий ее в виде морального фено-

мена в этике и культуре. Когда моральный поступок невыводим напрямую из понятия морали, так как иначе было бы легко совершать моральные поступки. Но люди совершают их — не потому, что соотносят при этом слово «добро» и слово «зло» и решают, что добро обязательно победит зло. Совершают, подобно библейскому Иову, поскольку у добра, как и у совести, нет причин. И поэтому знание о добре не передается механически, сколько бы мы ни повторяли, что надо «иметь совесть», надо «жить не по лжи», «нельзя убивать».

«Я знаю, что ничего не знаю», — так выразил когда-то Сократ, прекрасно владевший грамматикой, логикой и риторикой, свое мыслительное кредо. В этом сосредоточенном желании (поскольку здесь важен акцент на слове «знаю», что не знаю) удержать нечто, что открывается символически на границе знания о неизвестном, и заключена драма человеческой свободы. И разыгрывается она в зависимости от человеческих способностей и усилий к творческому, созидательному существованию. Это и есть цивилизация. Мыслью и словом человек творит мир, и на это особенно важно обращать внимание в эпоху глобального кризиса.

Мераб Мамардашвили описывал человечество как коллективное мифологическое инерционное тело, которое поглощает вспышки истории. А наши акты понимания следует рассматривать, говорил он, как моменты истории, как контакт (если повезет), совершаемый лично. И благодаря этому мы вступаем в ее непрерывность. Это и есть некий длящийся в долгом времени контакт, который можно назвать цивилизацией.

Духовное и интеллектуальное общение между людьми неизбежно. Только общаясь и сознавая себя гражда-

нами, мы начинаем жить в цивилизованном мире, или, другими словами, в гражданском обществе, которое сегодня уже не имеет границ. А если они есть, то условны, благодаря Интернету и пространству безграничной коммуникации.

Гражданское общество и гражданская нация, как и империя, однажды появившись как социокультурные феномены и понятия, продолжают существовать. Идея империи реализуется в наши дни через науку и бизнес, без границ, глобально. Это естественный процесс, как и развитие гражданского общества. Проблема модернизирующихся, развивающихся стран, включая Россию, — как войти в этот глобальный процесс «перевода» гражданских чувств на язык рационального понимания универсальных ценностей вечной жизни и свободы.

Обществу граждан — гражданское просвещение

Нет сомнения, что жизнь, когда мы ее чувствуем и переживаем, не сводится к экономике и политике; мы не анализируем ее в терминах экономических или политических теорий как результат работы существующих институтов. Реальную жизнь мы воспринимаем как цепочку повседневных событий и явлений, или, как сказал бы философ, в терминах человеческих возможностей, которым сопутствует «смысл» и которые можно ассоциировать с такими понятиями, как «любовь», «совесть», «покаяние», «возрождение», «просвещение», «собранность». Так как известно: мы либо собираем свою жизнь в нечто осмысленное, либо бессмысленно ее тратим. Придать осмысленность собственной жизни означает познать самого себя. При этом речь идет и о понимании своей ограниченности.

Например, драма великих героев Шекспира начинается с недостатка самопознания. О Лире говорят, что он «никогда не знал в точности, чего хочет». Макбет, после того как убил своего короля — Дункана, думает о том, что «был бы рад не сознать себя». Отелло в смертный час уподобляет себя неразумному индейцу, что «прочь от себя жемчужину бросает». А колеблющийся Гамлет, заблудившись в лабиринте собственных

мыслей, сетует, что «...портится природой данный цвет / Решимости от бледной тени мысли».

Трагедия этих персонажей в том, что они сталкиваются с жизненными испытаниями, не сознавая сил, которые руководят ими, и растрачивают свою и губят чужие жизни, так как не способны понять, кто они в действительности. Поэтому не случайно, видимо, один из главных героев последней пьесы Шекспира «Буря» (1611) в Эпilogue обращается к зрителям со словами: «Все грешны, все прощенья ждут, / Да будет милостив ваш суд».

Девиз нашей Школы: «Обществу граждан — гражданское просвещение».

Почему именно просвещение? Потому что, получив паспорт и являясь формально гражданами, молодые люди не всегда и не сразу становятся взрослыми в силу разных причин. Назову лишь одну из них, исходя из своего опыта жизни в СССР, — государственная патерналистская опека.

Хорошо известно, как эта опека осуществлялась — с помощью террора и идеологии, которая в своем развитии дошла в какой-то момент до такого состояния, когда ее эффективность уже не зависела от того, разделяли люди эту идеологию или не разделяли. Она, как говорят в таких случаях, сработала, и в результате было разрушено словесное мыслительное пространство. Произошло пандемическое разрушение языка, и человек, который пытался сформировать собственное мнение о каком-либо явлении действительности, не мог этого сделать в силу отсутствия в обществе навыка независимого мышления. Возник синдром публичной немоты.

Итак, механизмы установления зависимости общества от государства, казалось бы, известны — идеология и пропаганда. Причем идеология может быть не только политической. Существуют ли в таком случае какие-то пути и возможности преодоления диктата идеологии и освобождения от пропаганды и опеки?

Перефразирую вопрос: можно ли знать то, чему не учился и о чем не думал? О государстве, которое может вызывать уважение, а не страх или ненависть своим произволом. О власти, достигающей поставленных целей не из-за страха перед народом, а благодаря знанию и пониманию, как сохранить общественное спокойствие. О необходимости свободы — во всех случаях жизни публично пользоваться своим умом.

Сошлюсь на одно из посланий древнеримского поэта Горация, в котором говорится: чтобы зарезать человека, разбойник встанет до света. Так неужели ты не проснешься, чтобы уберечь себя? Стоит ли уподобляться глупцу, ждущему, когда мимо него протечет вся река, чтобы перейти на другой берег? Не лучше ли немедленно начать упорядочивать свою жизнь, чем ждать, пока она кончится? Тот, кто начал, сделал уже половину дела. Дерзай мыслить — *Sapere aude!* Решись!

«*Sapere aude!* — имей мужество пользоваться собственным умом!» — провозгласил спустя почти 2000 лет после Горация Иммануил Кант в эпоху Просвещения. Что он имел в виду? Ведь заставить человека стать просвещенным невозможно.

В статье «Ответ на вопрос: что такое просвещение?» Кант называл лень и трусость главными причинами того, что большинство людей остаются всю жизнь несовершеннолетними; и по этой же причине так легко

другие присваивают себе право быть их опекунами. Если у меня есть духовный пастырь, совесть которого может заменить мою, врач, предписывающий мне такой-то образ жизни, или адвокат, то зачем тогда утруждать себя, думая о грехах, о своем здоровье, нарушении закона? Ведь есть же люди, которые отпустят грехи, вылечат, защитят в суде.

Действительно, есть. А если не защитят, не вылечат и не отпустят грехи? Что из этого следует? Что мы должны быть одновременно и священниками, и врачами, и адвокатами? Разумеется, нет. Провозглашая, что просвещение — это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по своей вине, Кант имел в виду абсолютно другое. А именно что для просвещения требуется только свобода, и притом самая безобидная — естественная свобода публично пользоваться собственным умом. И тогда «почти неизбежно публика сама себя просветит». То есть фактически предлагал и нам сегодня задуматься над смыслом вошедшего в европейскую культуру XVIII века понятия «гражданское общество», когда не только в рамках «государства-опекуна» начался процесс нахождения точек сотрудничества, партнерства и участия людей в общественных делах. Поэтому вернемся к идеологии.

Синдром публичной немоты в СССР означал, что ко времени перестройки государственная система утратила свою жизнеспособность, в том числе и потому, что еще раньше, после XX съезда КПСС (1956), в обществе появились группы людей, осмелившихся *думать*. Или, другими словами, заниматься самыми разными возможными способами прояснения своего жизненно-

го опыта. Это происходило не только в Советском Союзе, однако я говорю именно об СССР, где в 1972 году публикуется повесть братьев Стругацких «Пикник на обочине», герой которой ищет краеугольные слова в главный, кульминационный момент своей жизни. Он пытается понять нечто самое существенное: «Дело непривычное — думать, вот в чем беда. Что такое думать? Думать — это значит обдурить, обжурить, обмануть, обвести вокруг пальца, но ведь здесь все это не годится...»

Разумеется, не годится. Но ведь тот, кто лжет, тоже пользуется умом и может сказать, что он думает, когда приводит какие-то соображения и доводы в свое оправдание. Как и вор, ограбивший человека, может найти оправдание причины или повода для ограбления. Так что же такое «думать»?

В XVIII веке современник Канта, Монтескье, отвечая фактически на этот вопрос, но иначе сформулированный, писал: «Я счел бы себя счастливейшим из смертных, если бы мог излечить людей от свойственных им предрассудков. Предрассудками я называю не то, что мешает нам познавать те или иные вещи, а то, что мешает нам познать самих себя».

Мешает, конечно, отсутствие сомнения в отношении собственного ума. Ибо узнать, что такое ум, можно лишь сомневаясь, так как мышление не дано нам природой. Природой дан инстинкт, а думать мы учимся, извлекая опыт, чтобы понимать и объяснять, что происходит в окружающем мире. Не только слушать других, а учиться говорить самим и понимать себя. Ведь только понимая себя, можно понять других. И тогда, зная, что все в нашей жизни взаимосвязано и пронизано

но предрассудками, понимаем, что ложь и зло всегда находят причину и оправдание, а для совершения добра и благородных поступков нет причин. Добро, как и общественное благо, творится потому, что всегда находятся люди, для которых они, как и свобода, самоценны и в этом смысле беспричинны. И их познание, как и познание справедливости, начинается с удивления, а познание зла — с пережитого страха. Но в том и в другом случаях познание, безусловно, предполагает свободу, которая не сводится к выбору. Сошлюсь на русского поэта Максимилиана Волошина, который в конце 20-х годов XX века сказал по поводу трагических последствий большевистской революции: «Чтобы описать эпоху, мало ее пережить, надо еще и забыть ее! Ведь процесс забвения есть процесс усвоения»*. Это парадоксальное высказывание (не помнить, а забыть, чтобы усвоить) имеет, на мой взгляд, прямое отношение к свободе — не как к выбору, когда ты уже бессилен что-либо изменить, но как к претворению памяти о зле, когда у тебя есть шанс понять, что только через собственное свободное развитие и просвещение можно влиять на окружающую действительность.

Именно в этом я вижу смысл деятельности российского «Мемориала» и работы его сотрудников — архивной, просветительской, конкурсной, правозащитной, помогающей людям избавляться от «завороченности злом».

Есть такое латинское выражение *homo faber* — человек творящий, делающий. И думаю, буду прав, если скажу: обычно мы хорошо понимаем только то, что сде-

---

* Герцык Е.К. Лики и образы. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 835.

ляли сами, своими руками и головой, конечно. А как можно понять гражданское общество, которое не делается руками?

Спрашиваю об этом, чтобы напомнить: сегодня быть свободным значит придерживаться тех принципов — защиты естественных прав человека, экономической свободы, частной собственности, равенства всех перед законом, разделения властей, легальной оппозиции, — которые изобретались людьми и продолжают изобретаться, потому что просвещение продолжается, ценой риска и упрямства и затем на уровне физического навыка, методом проб и ошибок, которые, как показывает исторический опыт, массово лично осваиваются. Только так возникает общество граждан, способных мыслить критически, преодолевая соблазны и искушения культурного фундаментализма, популизма, политического насилия и безразличия, индифферентности к качеству социальной сферы. Ведь все мы так или иначе хотим быть счастливыми, успешными, любить и быть любимыми и свободными.

Так что же мешает нам быть успешными и свободными? Патернализм? Идеология? Лень? Здесь можно вспомнить советский анекдот про человеческие желания: «Я опять хочу в Париж. — Почему опять? — Потому что на прошлой неделе хотел».

Но мы ведь действительно чего-то хотим, о чем-то мечтаем, на что-то надеемся, к чему-то стремимся. Так что же мешает нам осуществлять наши мечты и желания? Отсутствие талантов, социально-экономические условия, бюрократия, авторитарная власть? Возможно, «нехватка демократии и эффективных лидеров», как утверждает в своей книге «Что ждет Европу в буду-

щем?» британский социолог Энтони Гидденс. Об этом следует рассуждать, что я и постараюсь сделать дальше, не забывая о просвещении.

Все мы знаем о религиозных заповедях. Поэтому сошлюсь вначале на Библию. Среди евангельских заповедей — «Почитай отца твоего и мать твою», «Не делай себе кумира», «Не убивай», «Не кради» и т.д. — есть и метафизический завет апостола Павла: «К свободе призваны вы, братия... любовью служите друг другу. Ибо весь закон в одном слове заключается: „Люби ближнего твоего, как самого себя“. Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом» (Гал. 5, 13-15).

Имеют эти слова апостола Павла из «Послания к галатам» отношение к современному миру? Безусловно. Мы живем в эпоху глобализации и одновременно в период всеобщего кризиса, когда все известные экономические, политические, культурные и иные подходы для преодоления нарастающих конфликтов практически не эффективны, в том числе и в Европе. Возможна ли в этих условиях, мировоззренческая альтернатива углубляющемуся кризису на родине практически всех научно-технических достижений и общественных преобразований?

Возможна, если не забывать, что быть европейцем — значит быть свободным, а свобода напрямую соотносится с естественным правом (*natural right*) и, конечно, с законом.

Повторю еще раз: понятия свободы и права на жизнь определяли развитие европейского общества. Естественно, в разные эпохи по-разному. Если в эпоху, кото-

рую можно назвать эпохой универсализма веры, горизонт их восприятия и понимания был задан религией, то есть связью (лат. *religo* — связывать) человека с Богом, с Церковью как телом Христовым и Евхаристией — литургическим приобщением к любви Божией, выражаемой Жертвой, которую за грехи всех людей принес Иисус Христос (Ин. 15:13), то в эпоху универсализма разума их смысл со временем стал восприниматься в зависимости от социально-экономических условий. Скажем, в СССР названные понятия трактовались в контексте марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата и классовой борьбе как движущей силе развития общества.

«Советское социалистическое право, — цитирую 4-е издание «Краткого философского словаря» 1954 года, — это возведенная в закон воля советского народа, воля, содержание которой определяется задачами, стоящими перед диктатурой рабочего класса: подавление эксплуататоров, союз рабочего класса с крестьянством, построение социализма и коммунизма».

Чтобы было ясно, зачем я это упомянул, приведу еще одну цитату — из эссе Джорджа Оруэлла «Лев и Единорог», опубликованного в начале 1941 года. «Тут мы сталкиваемся, — пишет Оруэлл, характеризуя общественную атмосферу в стране, которую бомбила в то время немецкая авиация, — с чрезвычайно важной английской чертой: уважением к законности, вере в „закон“ как в нечто, стоящее выше государства... Тоталитарная идея, что закона нет, а есть только власть, в Англии так и не привилась».

Почему в СССР, в Германии, Италии, Испании она привилась, а в Англии не привилась? Каким образом уда-

лось этого избежать? Ответ, казалось бы, очевиден: потому что Англия родина не только Великой хартии вольностей (1215), но и одного из первых парламентов, — и, таким образом, идеи разделения властей.

А Италия, которая является родиной европейского Возрождения, почему она не избежала фашистского соблазна? Или габсбургская Австро-Венгрия — родина австрийского Ренессанса, где во второй половине XIX и начале XX века сосуществовали разные языки и нравы, аристократическая и массовая культура, родина психоанализа, великих открытий в области физики, философии, экономики. Почему распалась она? Не говоря уже о России...

Ведь, в самом деле, почему так легко рухнула в СССР казавшаяся монолитной советская власть, за идеалы которой было пролито столько крови? Из-за Горбачева? Но он этого явно не хотел. Из-за Ельцина? Или еще вопрос: что произошло в 1917-м, когда пала власть царская? О чем это говорит? О деградации в стране всех общественных устоев. Сколько же должно было накопиться в условиях самодержавия и реализации советского проекта страданий, обид, страха, безразличия, ненависти, недоверия, чтобы такое случилось дважды за 70 лет! Поистине, как сказано в Евангелии от Матфея: «Не думали, пока не пришел потоп» (24, 39). Это было не разрушение, а саморазрушение, начавшееся на заре XX века в атмосфере взаимной нетерпимости и создания Лениным партийной организации с ее маниакальным стремлением (которое было присуще ее создателю, а затем Сталину) все подавлять и контролировать.

Как разорвать этот порочный круг несвободы?

Я говорю об этом, чтобы напомнить: через полтора месяца после того, как 26 декабря 1991 года было объявлено о прекращении существования СССР, 7 февраля 1992 года был подписан Маастрихтский договор, положивший начало Европейскому союзу. Удивительно... Страна — победительница в Великой Отечественной войне распадается, а побежденная страна и Франция становятся локомотивом объединения Европы.

Однако в результате глобального кризиса, проявления национальных и государственных амбиций, угроз терроризма и растущей иммиграции Евросоюз и весь мир переживают сегодня нелегкие времена.

Можно ли каким-то образом повлиять на эту ситуацию? Можно — на путях гражданского диалога и, когото, видимо, это удивит, гостеприимства, поскольку человек как вид множественен, а его сущность нередко проявляется в той мере, в какой человеческая личность поддерживает и сохраняет общение. И происходит это с успехом благодаря именно гостеприимству, учитывая, что общение может навязываться пропагандой, то есть быть принудительным. А гостеприимство исключает принуждение.

Почему я обращаю на это внимание? Во-первых, потому что гений языка рождает слова и понятия, которые помогают, как я сказал, собирать нашу жизнь в нечто осмысленное. И во-вторых, напомню, что с начала XVI века в Европе появляется особый философский жанр трактатов о «вечном мире» и получает вторую жизнь латинское слово *hospitālis* — гостеприимство. Я имею в виду «Жалобу мира» Эразма Роттердамского, «Всеобщий совет об исправлении человеческих дел» Яна Коменского, «Опыт о настоящем и буду-

щем мире в Европе» Вильяма Пенна, «Суждение о вечном мире» Жан Жака Руссо, «К вечному миру» Иммануила Канта, «Рассуждение о мире и войне» русского социального мыслителя Василия Малиновского. Все эти авторы, осуждая войны, мечтали об установлении мира на все времена, который представлялся им либо в виде непосредственного результата разумной политики просвещенных правителей, либо заключения договора между правительствами.

«Война, подобно морозам, сразу уничтожает все человеческие блага и приостанавливает гражданское развитие общества, — писал в своем трактате Вильям Пенн. — ...ни промышленности, ни строительства, ни ремесла; исчезают гостеприимство и милосердие; все, что дарует мир, пожирает война»*. Будучи сторонником договорной теории происхождения государства, Пенн предлагал правительствам отказаться от решения спорных вопросов силой оружия и вступить в союз государств путем создания европейского Конгресса, Парламента или Палаты государств. При этом его проект предусматривал включение в союз также России и Турции.

Преимущество такого союза Пенн видел в возникновении и укреплении личной дружбы между государями и парламентами. И тогда, по его словам, возникло бы стремление к миру, и они могли бы свободно беседовать друг с другом и лично выказывать или получать

---

* Пенн В. Опыт о настоящем и будущем мире в Европе // Трактаты о вечном мире / Вводная статья и прим. И.С. Андреевой. М.: Соцэкгиз, 1963. С. 84.

знаки взаимной доброжелательности. Подобное гостеприимство, заключает он, едва ли станет поводом для возникновения недоразумений и споров.

А вот что писал в своем трактате «К вечному миру» Кант: только разум может подсказать, как найти выход из беззаконного состояния дикости и вступить в союз народов, где каждое, даже самое маленькое государство могло бы ожидать своей безопасности. Поэтому «право всемирного государства должно быть ограничено условиями всеобщего гостеприимства» (цит. соч., с. 163). То есть правом человека, продолжает Кант, на дружеский, а не враждебный прием при посещении любого государства. Ибо эта возможность принадлежит всем людям в силу права общего владения земной поверхностью, на которой, как на поверхности шара, люди не могут рассеяться до бесконечности и поэтому должны терпеть и уважать соседство других.

Сегодня можно по-разному относиться к названным трактатам. Кто-то скажет, что они не оказали никакого влияния на политические судьбы Европы. И по-своему будет прав, так как войны продолжаются. Другие согласятся и добавят, что они имели слабый общественный резонанс. И будут тоже правы. Третьи, которых большинство, скорее всего, о трактатах даже не слышали и уж точно не думают о каком-то вечном мире. Однако трактаты появились, и в 1945 году, 150 лет спустя после публикации кантовской работы, не без их влияния появилась уникальная за всю историю человечества Организация Объединенных Наций, созданная для поддержания и укрепления международного мира и развития сотрудничества между государствами. В преамбуле Устава этой организации сказано:

«Мы, народы Объединенных Наций, в полной решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, стремимся вновь утвердить веру в основные права и свободы человека».

Повторю еще раз важное, на мой взгляд, в этой фразе слово «стремимся». Не «хотим» и не «пытаемся», а «стремимся вновь утвердить веру в права и свободы человека».

С какой целью? Чтобы обрести и сохранить дух миротворчества и гостеприимства, о котором писали авторы трактатов о вечном мире.

Разумеется, можно и хотеть, и пытаться, и мечтать. Или просить. Чего хочешь, гласит русская пословица, того и просишь. Раньше просили у Бога, теперь часто у государства. С надеждой получить. Хотя известно, что вера или упование на Бога должно быть настолько полным, чтобы не оставалось надежды на Его участие в наших делах. Поскольку вера – это не только надежда, но и любовь. А это значит, когда мы говорим о мире и наша цель — утвердить веру в основные права и свободы человека, у нас не может не быть доверия к гению языка, благодаря которому, общаясь, мы продолжаем понимать друг друга.

Только общество, основанное не на внешнем принудительном, а на внутреннем моральном уважении к Другому, способно создать прочный фундамент свободного демократического устройства. Потому что ценность демократии не в том, что она — власть всех, а в том, что она — свобода всех. То есть смысл ее скорее отрицательный: демократия означает освобождение от опеки и nepотизма.

Черчиллю, как известно, принадлежит афоризм: «Демократия — наихудшая форма правления, за исключением всех остальных». Наихудшая, как я понимаю, только в одном смысле: под демократией он имел в виду некое пустое пространство, которое никто не имеет права национализировать и приватизировать целиком. Ни царь, ни король, ни народ, ни партия, ни бизнес. В условиях демократии есть место всем. И если вы с этим согласны (а я думаю, согласны), приведу другой афоризм, другое изречение — русского философа Семена Франка, относящееся к началу XX века: «Демократия, основанная на свободе, есть наилучшая из возможных форм политического устройства».

Наш лозунг гражданского просвещения: «Мы учимся понимать и доверять».

О гражданине и гражданском просвещении

Вопрос: Интеллектуалу разве место на митингах?

Умберто Эко: Нет, это было не место интеллектуала.

Это было место гражданина. Певец, футболист или романист известнее, чем остальные граждане. И он может и должен использовать свой статус для достижения общественно важных целей. Так что я там был не в роли интеллектуала.

Я использовал свою известность в качестве интеллектуала, чтобы говорить как гражданин.

У. Эко в интервью журналу «Русский репортер».

21 ноября 2011 г.

Итак, почему так важно гражданское просвещение в условиях глобализации? Что такое «гражданин»?

Население на планете Земля, как известно, стремительно растет: 1900 год — 1,6 млрд человек, сегодня — более 7 млрд. И соответственно растет воздействие человека на природную среду и людей друг на друга. Об этом свидетельствуют глобальные проблемы: разрыв на социально-экономическом уровне между развитыми и развивающимися странами и его последствия для развитых стран — растущие потоки беженцев, популизм, агрессия. Не говоря уже о пандемии коронавируса. Сложность и глубина проблем, вызванных глобализацией, очевидна. Как очевидно и то, что для их решения требуется сотрудничество государств не только на региональном, но и на мировом уровне.

И безусловно, нужна вера в принципы верховенства международного права, демократического управления, открытого рынка.

Об этих принципах, считаем мы в Школе, не стоит забывать хотя бы потому, что родина этих принципов — Европа, которая и наша общая родина, где были сформулированы в XVIII веке идеи, положившие начало процессу глобализации. Я имею в виду Адама Смита, Шарля Луи Монтескье и Иммануила Канта.

Сегодня можно уверенно сказать, что их идеи, подобно маяку, освещали путь экономического и политического развития европейского общества, преодолевшего свое духовное несовершенство, причиной которого, по словам Канта, был не недостаток ума, а недостаток решимости и мужества самостоятельно им пользоваться. Поскольку важно понять не то, что делает из человека природа, а то, что человек делает из себя сам — как *self-made man*. Ибо цель просвещения не в распространении только знания, но и в понимании, что такое человеческий разум.

Почему же тогда этот просвещенный разум оказался столь недальновидным и современный мир превратился в заложника угрожающих глобальных проблем?

Девиз Просвещения «*Sapere aude!*» — имей мужество пользоваться собственным умом — явно заключает в себе парадокс, на котором стоит остановиться. Потому что если задуматься, то окажется, что, когда мы думаем, мы думаем не собственным умом, ибо это некая невидимая собственность, которой тем не менее мы обладаем и пользуемся. И значит, как выражался М. Мамардашвили, будучи наследником духа Просвещения, эта «собственность» (гений языка и ум) дана человеку в дар. Но не все это понимают, «зарывая талант в землю». А если человек «не зарывает талант», о нем можно сказать, что он обладает безусловным талантом личности, которая

потому и выделяется в качестве особого феномена в этике и культуре, что человек ищет некую ценность за пределами очевидного. Справедливость, истину, честь, благо, здоровье, свободу, которые не передаются непосредственно от одного человека к другому, а требуют личного сознательного усилия и мужества пользоваться собственным умом. И когда это происходит, рождаются парадоксы, афоризмы, метафоры, фразы, подобные приведенным выше.

Ведь, в самом деле, что означает выражение «невидимая рука рынка»? На первый взгляд, казалось бы, понятно. Оно указывает на некий процесс, таящий в себе загадку и одновременно ответ, а именно: когда люди преследуют свои *частные интересы*, их активность детерминирует некая сила, работающая на пользу и благо общества.

То есть загадка, парадокс (не имеющий строгого значения и одновременно свидетельствующий о рождении смысла) остается, если мы вспомним, что существуют и другие, не только частные, но и коллективные способы достижения общественного блага — с помощью реформ, революций. И встает вопрос, какой путь в таком случае эффективнее, индивидуальный или коллективный? Ясно, что по-своему они успешны оба, но основной эффективности первого являются свобода, научные открытия, технические изобретения и рыночная экономика, а второго — власть и заимствование технологий. И эта особенность второго пути, безусловно, сдерживающий фактор для демократического развития, в силу разных причин. Назову лишь одну из них — главную: отказ от свободы, в результате которого происходит подмена свободы так называемым выбором. Что я имею в виду?

Разумеется, демократия предполагает пространство свободы, и его никто не имеет права ни национализировать, ни приватизировать целиком. В условиях демократии есть место всем. А раз так, то должен, конечно же, существовать и выбор, ведь мы часто уверены, что человек свободен только тогда, когда у него есть выбор. И отсюда напрашивающийся вывод: чем больше возможностей выбора, тем больше в стране свободы. Но так ли это на самом деле, если не забывать о непредсказуемости того, что человек может выбрать и посвятить этому свою жизнь (например, террорист)? Не говоря уже о «радикальном выборе» народа или спецслужб, ведущем к государственному терроризму.

Фактически именно к свободе без выбора, открывающей путь к компромиссам и сотрудничеству, все более склонялись европейские мыслители в эпоху Просвещения, размышляя о гражданском обществе и правах человека. Причем все это было реакцией на существовавшую абсолютистскую форму правления, при которой верховная власть принадлежала одному лицу, распоряжавшемуся свободой других. А завершилось, как известно, принятием в августе 1789 года знаменитой Декларации прав человека и гражданина — политического манифеста Французской революции, провозгласившего неотъемлемыми правами человека свободу личности, слова, совести, равенства граждан перед законом, неприкосновенность частной собственности.

Эта Декларация подвела своего рода итог предшествующему развитию европейского общества, когда шла борьба за ограничение абсолютной власти. Об этом свидетельствуют, в частности, английский Билль

о правах 1689 года, декларировавший «права и свободы подданного», и другие документы — правового и политического характера (жалованные грамоты, уставы городов и т.д.).

В основе же философии свободы, воодушевлявшей европейских просветителей XVIII века, лежала идея прав человека уже не как подданного, а как личности гражданина, для которого завоевание свободы становится первостепенной задачей. Идет ли речь о сфере экономики (принцип *laissez-faire* — невмешательства) или сфере политики (принцип разделения властей).

О правах, писали они, можно и нужно говорить, поскольку люди мыслятся во взаимном отношении друг к другу. Право — ничто вне таких отношений. И задавали вопрос: как могут сосуществовать свободные существа — ведь в этом состоит смысл всякого права? И отвечали: совместное существование людей возможно при условии, если каждый во имя достижения компромисса ограничивает свою свободу настолько, чтобы сохранить свободу другого. Свобода одного упирается в свободу другого и имеет последнюю условием собственной свободы. Свободу не выбирают, так как сам вопрос «есть ли свобода?» уже свидетельствует о ее существовании.

Таким образом, свобода и право — два основных понятия, с которыми связаны история европейского либерализма и появление гражданского общества.

Имеет это отношение к «невидимой руке рынка» и к «публике, которая сама себя просветит, если предоставить ей свободу»? Безусловно, имеет, причем самое непосредственное.

Приведу вначале пример, относящийся к рынку.

Фактически в те же самые годы, когда Адам Смит писал свое «Исследование о природе и причинах богатства народов», в Англии Джеймс Уатт изобрел паровую машину, сыгравшую большую роль в переходе к машинному производству и промышленной революции. Естественно, благодаря рынку, а точнее, сочетанию частной инициативы и промышленного просвещения. Но об этом несколько позже, а пока замечу, что на 10 лет раньше Уатта Иван Ползунов в России тоже разработал проект парового двигателя, а затем построил паросиловую установку для заводских нужд, но за неделю до ее пробного пуска умер. Однако в это же время в России жил еще один замечательный механик и изобретатель, Иван Кулибин, который хотя и считал возможным использование паровых машин на речных судах, но их конструированием непосредственно не занимался, предпочитая разрабатывать так называемые водоходные машины с деревянными колесами. И при этом был готов бесплатно раздавать соответствующие чертежи и консультировать «желающих пользоваться его изобретением». Но желающих почему-то не было, в отличие от Англии, где во время многолетней работы над совершенствованием паровой машины у Джеймса Уатта сменилось три спонсор-партнера. И к 1780 году они вместе с третьим партнером, М. Болтоном (создав совместную компанию), выпустили 40 паровых машин, проданных в том числе и России. Причем все было организовано без участия английской государственной казны, а благодаря частной инициативе — изобретателя и его партнера.

Именно отсутствие этих факторов в России, по словам современного историка, «привело к тому, что про-

екты Кулибина остались большей частью на бумаге»*. А ответ на вопрос, почему они отсутствовали, дал еще в конце XIX века Павел Милюков в своих «Очерках по истории русской культуры»: «Наша мануфактура и фабрика не развилась органически, из домашнего производства, под влиянием роста внутренних потребностей населения: она создана была поздно правительством, руководившимся <...> соображениями о необходимости развития национальной промышленности.

<...> В стране без капиталов, без рабочих, без предпринимателей и без покупателей эта форма могла держаться только искусственными средствами». А точнее, государственными, которым не предшествовала «невидимая рука рынка», без участия государства.

Переход от ручного труда к машинному, от мануфактуры к фабрике, который начался в Европе в последней трети XVIII века и получил название промышленной революции, разумеется, был бы невозможен без научной революции XVII века и без промышленного просвещения, столь же важного для успеха промышленной революции, как и принцип свободы экономического развития (*laissez-faire*). А промышленное просвещение, в свою очередь, не было бы успешным без социальной инфраструктуры, связанной с образованием, подготовкой кадров и инвестициями, обеспечивающими в условиях рыночной экономики реализацию технических инноваций. С этой точки зрения развитие не заимствованных, отечественных технических иннова-

---

* Стрелков Е. Несвоевременный Кулибин // Неприкосновенный запас. М., 2015. № 6 (104). С. 220.

ций в России по сравнению с Англией началось намного позже и было прервано Первой мировой войной и большевистской революцией, которая привела, как известно, к катастрофе в стране.

И в этой связи второй пример, относящийся уже к фразе Канта о «публике, которая сама себя просветит». Он напрашивается сам собой, поскольку известно, что целью социалистической революции в России было освобождение рабочих и крестьян от эксплуатации, а строительство социализма после освобождения сопровождалось пропагандой насилия и массовым террором. Но цель была достигнута: социализм в стране был построен и все стали «гражданами». Как об этом мечтал в 1855 году поэт и предприниматель Николай Некрасов:

Но где ж они? Кто не сенатор,
Не сочинитель, не герой,
Не предводитель, не плантатор,
Кто гражданин страны родной?
.....
Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.

А в 1929 году другой — уже советский поэт Владимир Маяковский, провозгласив: «...Я достаю из широких штанин дубликатом бесценного груза. Читайте, завидуйте, я — гражданин Советского Союза», вскоре застрелился.

Возрождение, реформация, просвещение, революция — все эти понятия, как мы помним со школы, отражают процессы перехода человеческого общества от одной исторической эпохи к другой. Но мы редко задумываем-

ся над тем, что в это время люди заняты поиском общественного эквивалента своему неясному состоянию ума и души. В первой половине XX века после распада Австро-Венгерской империи Роберт Музиль написал об этом известный роман «Человек без свойств». А во второй половине XX века на эту же тему появились «Воспоминания» жены Осипа Мандельштама Надежды Мандельштам, где говорится, что в 1930-е годы в СССР «для огромного числа неофитов никаких ценностей, истин и законов больше не существовало, кроме тех, которые нужны были сейчас и назывались для удобства классовыми <...> Из обихода исчезло множество слов — честь, совесть и тому подобное. Развенчать эти понятия было не так уж трудно, когда открыт рецепт развенчивания». Но это отдельная тема.

Повторю лишь: в России после царствования Петра I движение общества в сторону Европы заняло два столетия и оборвалось в результате захвата власти большевиками эпохой тоталитарного рабства. И вернусь к уже поставленному вопросу: какое отношение в таком случае помимо рынка имеют понятия свободы и права к становлению гражданского общества?

Для европейца ответ на этот вопрос, я думаю, очевиден: успешное развитие рыночной экономики и появление гражданского общества, то есть людей, которые активно участвуют в общественной и политической жизни, выражая свое мнение через выборы, контроль правительства, митинги и т.д., были бы невозможны без того, что принято называть оппозицией и разделением властей. Напомню, прежде чем этот термин появился во втором трактате Джона Локка «О правлении», ему предшествовала Великая хартия вольно-

стей (1215), с помощью которой английские бароны заставили своего короля признать, что хотя он первый, но среди равных ему. То есть разделение властей, когда государственная власть распределяется между ее независимыми ветвями (законодательной, исполнительной и судебной), было для Локка уже не целью, а свершившимся фактом. Он лишь зафиксировал в конце XVII века существовавшую в стране практику применения главных элементов становления правового государства. А после появления в середине XVIII века «Духа законов» Монтескье не только термин, но и сам принцип разделения властей получил признание во многих государствах.

И то же самое относится к понятию просвещения. Кантовский трактат также подвел своего рода итог интеллектуальному движению в Европе XVII–XVIII столетий, участники которого стремились понять, как должна быть организована и выстроена власть, чтобы гарантировать сохранение свободы. «Большая степень гражданской свободы, — писал философ, — имеет преимущество перед свободой духа народа, однако ставит этой последней непреодолимые преграды.

Наоборот, меньшая степень гражданских свобод дает народному духу возможности развернуть все свои способности. И так как природа открыла под этой твердой оболочкой *зародыш*... а именно склонность и призвание к свободе мысли, то этот зародыш сам воздействует на образ чувствования народа (благодаря чему народ становится постепенно более способным к *свободе действий*) и, наконец, даже на принципы правительства, считающего для самого себя полезным обращаться с человеком, который есть *нечто большее, чем машина*, сообразно его достоинству».

Этот завершающий абзац кантовского трактата наряду с трактатом Локка «О правлении» и фразой Смита о «невидимой руке рынка» не оставляет сомнения в том, что, вступив во второй половине XVIII века на путь промышленного и социального развития, Европа начинала двигаться к раскрепощению общественных сил и талантов. Создавая различного рода ассоциации, партии и реформируя политические институты, просвещенные европейцы стремились, таким образом, по-новому организовать пространство общественной жизни.

Однако практически одновременно с этим (по мере растущего в результате промышленной революции обнищания сельского и городского населения) в европейской культуре стало набирать силу и развиваться противоположное мировоззрению просветителей марксистское учение о классовой борьбе и диктатуре пролетариата.

Все это я говорю к тому, чтобы показать, возвращаясь к последствиям глобализации, насколько далеко в свое время разошлись Россия и Запад в понимании не только демократии, но и непосредственно связанной с ней предшествующей интеллектуальной традиции. А именно традиции веры в разум, с одной оговоркой. И Локк, и Смит, и Кант, и другие просветители верили в свободу и разум, но разум, в частности, Локка отличался при этом от разума Канта.

Локковский разум исходит из опыта, а кантовский разум — из критики опыта. И это важное отличие, так как Кант не верил в «алхимическое» право частного интереса, вне «культуры моральности в нас», и говорил о моральном (категорическом) императиве как цели

разумно оправданного поступка. Согласно его императиву, наши поступки нравственны лишь тогда, когда их мотивы могут быть общечеловеческими нормами.

На фоне сегодняшней действительности уверенность Канта, что народ просветит себя сам, если предоставить ему свободу, кажется наивной, как и вера Адама Смита в «невидимую руку рынка». Однако не стоит забывать, что убеждения этих мыслителей были основаны не на слепой вере в свободу, а на вполне осмысленных постулатах об особенностях природы человека, которые определяют не только его экономическое поведение, но и сферу жизнедеятельности в целом. А именно — на присущей человеку склонности к обмену услугами и плодами своего труда и его стремлению не только к обогащению, но и гостеприимству. Послушаем самого Смита: «Таким образом, переворот величайшей важности для *общественного блага* был совершен двумя различными классами людей, которые не имели ни малейшего намерения служить обществу. Удовлетворение самого простодушного тщеславия — таков был единственный мотив крупных землевладельцев. Торговцы же и ремесленники <...> действовали исключительно в своих собственных интересах и придерживались присущего им торгашеского правила зашибать копейку при всяком удобном случае. Ни те и ни другие не осознавали и не предвидели той великой революции, которую совершало безумие одних и сноровистость других».

Между тем, продолжает автор «Богатства народов», поскольку такой порядок развития противоречил разумному ходу вещей, он неизбежно отличался неустойчивостью.

Почему противоречил? Потому что у человека есть возможность свободно преследовать свои интересы (и в какой-то момент он это осознает) лишь в том случае, если он не нарушает законов справедливости — одной из главных человеческих добродетелей. И тогда его деятельность совпадает с действием сил «невидимой руки».

А что такое добродетель? Согласно Платону, как утверждал Сократ в «Горгии», — это особенный строй души, который позволяет сохранять достоинство в отношении себя и других. А согласно Канту — моральная твердость в следовании своему долгу, которая возникает из акта мышления, когда бесконечное переживается и проявляется на уровне *ratio* (пропорции) в конечном, вневременное (вечное) — во временном, абсолютное в относительном. Мораль с этой точки зрения абсолютна, а наше отношение к морали должно быть сдержанным. И тогда у человека появляется шанс подняться до уровня независимого индивида, склонного самостоятельно мыслить и быть гражданином мира, а не только интеллектуалом, как следует из ответа Умберто Эко на вопрос журналиста «Разве интеллектуалу место на митингах?». Нет, это место гражданина, использующего свой статус для достижения общественно важных целей.

Так кто же такой гражданин? И о каких общественно важных целях может идти речь в условиях глобализации? Должен ли гражданин обладать в этих условиях еще и добродетелями помимо профессиональных качеств, способностей, талантов? Научных, художественных, организационных. Я имею в виду людей самых разных профессий. Тем более что среди них все-

гда есть люди широко известные и влиятельные в обществе. А есть малоизвестные, не публичные, но влиятельные в своей профессиональной среде. И вопрос о добродетелях, казалось бы, исчезает.

Посмотрим на такую, например, добродетель, как ответственность, поскольку, употребляя такие выражения, как гражданская ответственность и ответственность профессионала (ученого, писателя, художника и т.д.), мы обычно не видим между ними разницы. А между тем она есть. Потому что гражданская мировоззренческая ответственность как добродетель в отличие от профессиональных способностей и талантов — выдающихся, средних, скромных — неделима. И следовательно, подразумевает не только профессиональный талант и интерес, но и вовлеченность человека в то, что происходит в окружающей общественной жизни, небезразличие к ней. А также чувство собственного достоинства, интеллектуальную честность, упрямство в отстаивании того, во что он верит и ценит, совесть. Именно граждане с такими качествами придерживаются позиции моральной твердости, выражаемой словами «На том стою и не могу иначе», «Не могу молчать», «Жить не по лжи». Просто потому, что по-другому не могут, демонстрируя как граждане такую добродетель, как ответственность, и отстаивая такую общественно важную цель, как свобода.

От веры в спасение к доверию

Есть в русском языке такое выражение: «Утопающий за соломинку хватается». Разумеется, не в прямом, а в переносном смысле. Ведь не может же человек, который тонет, спастись, держась за соломинку.

Откуда и почему появился этот фразеологический оборот?

Ясно, что человек, попавший в безвыходное положение, стремится спастись, выбраться из него. В России, где все способы спасения, казалось бы, исчерпаны, люди тем не менее по-прежнему продолжают надеяться на «авось», держась за «соломинку».

Я обращаю на это внимание, находясь под впечатлением от названия книги «*Quo Vadis? Identity, policy and the future of the European Union*», изданной в марте 2017 года независимым Центром исследований экономической политики (CERP Press).

Quo vadis, Domine? («Куда Ты идешь, Господи?») — спросил, согласно преданию, Иисуса Христа апостол Петр во время гонений императора Нерона на христиан. «За то, что ты оставил Мой народ (почти все христиане в Риме были убиты по приказу императора после пожара), Я иду в Рим на второе распятие», — сказал Иисус. Апостол попросил разрешения у Господа

идти с Ним. После прибытия в Рим он был распят вниз головой, приняв мученическую смерть.

В старославянском переводе фраза «Камо грядеши?» (так называется исторический роман польского писателя Генрика Сенкевича, за который он получил в 1905 году Нобелевскую премию) предлагает задуматься, правильно ли человек живет, туда ли идет в своей жизни.

Символично, что упомянутая книга европейских экспертов была издана накануне 60-летия подписания Римских договоров 1957 года о создании ЕЭС. Римская декларация, подписанная 25 марта 2017 года лидерами 27 стран Евросоюза, подтвердила их желание и дальше крепить единство ЕС.

Столь же символично, что 4 апреля, то есть фактически спустя 10 дней после подписания Декларации, президент ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер, выступая перед евродепутатами в Страсбурге, сказал: «Мы, немцы, хотим, чтобы Европейский союз остался единым, хотим строить общее будущее... Вместе с нашими партнерами, большими и малыми, мы разделяем равные права и равные обязанности».

И дальше: «Если мы хотим быть маяком в соблюдении верховенства закона и прав человека в мире... Европа не должна молчать, когда страдает гражданское общество или наука».

Авторским коллективом книги «Quo vadis?» был предпринят многоаспектный анализ кризиса Евросоюза и его экономической политики. Однако не менее важно обсуждение исторических предпосылок и мировоззренческой основы кризиса.

В статье «О нашей революции», ссылаясь на Наполеона, Ленин писал: «Сначала надо ввязаться в серьез-

ный бой, а там видно будет» (*On s'engage et puis... on voit...*).

«Серьезный бой», разумеется, не «соломинка». Но — какова контаминация! Буквально через четыре года после того, как это было написано, в романе известных советских писателей-сатириков Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев» (1927) появилась фраза, ставшая в СССР популярной: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Это пародия на слова Маркса в пересказе Ленина, часто цитировавшиеся советской пропагандой тех лет: «Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». В оригинале у Маркса — «Общий устав Международного товарищества рабочих» (1871): «Освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом».

Идея освобождения рабочего класса от эксплуатации с помощью диктатуры пролетариата, сменившая идею «Москвы — Третьего Рима» (религиозного спасения страны по-византийски), привела в России в 1917 году к победе коллективной надежды на «авось». Именно тогда, а не после распада СССР, как заявил президент Путин, произошла действительно крупнейшая геополитическая катастрофа XX века. Ибо, как сказано в Евангелии от Матфея: «и не думали, пока не пришел потоп» (24:39).

Сегодня Россия и весь мир снова переживают отнюдь не лучшие времена. Но, оставаясь де-юре гражданами суверенных государств, все мы являемся де-факто уже гражданами планеты Земля с населением более 7 млрд человек. Когда одновременно с ростом населения растет воздействие человека на природную среду, сопровождающееся изменением климата, исто-

щением природных ресурсов, техногенными катастрофами.

О последствиях этих вызовов и угроз, порождаемых глобализацией, можно судить по распространению в мире наряду с международными организациями спасательных служб, благотворительных фондов и т.п. Однако очевидно, что для их преодоления необходимы не только общественные инициативы и сотрудничество государств, но и доверие между адептами разных религий, которые по-разному верят в спасение. В том числе между приверженцами христианства (католиками, православными, протестантами), не говоря уже о приверженцах ислама, второй по численности после христиан группе верующих в мире.

Согласно демографическому прогнозу американского исследовательского центра Pew Research Center, к 2050 году общее население Земли вырастет до 9,3 млрд человек, а число мусульман будет почти равно числу христиан (30 и 31% от общей численности человечества соответственно).

Вопрос: может ли в условиях грозящей экологической катастрофы, глобальной пандемии и морального кризиса спасение как религиозная идея стать альтернативой кризису? Ответ, на первый взгляд, очевиден, скорее всего, нет. Именно потому, что представители разных мировых религий (иудаизма, христианства, ислама, буддизма) верят в спасение по-разному.

Религиозное понятие спасения, утверждают историки религии, принадлежит европейской культуре, в которой оно было укоренено благодаря христианству. Спасать нужно свою душу от духовной смерти, говорят его адепты.

Удерживая ветхозаветное понимание спасения, христианство, по словам Сергея Аверинцева, русского историка культуры и библеиста, одухотворяет его, хотя и здесь оно мыслится как духовно-телесное, поскольку включает в себя воскресение и просветление тела.

Спасение — это не просто спасение от смерти и греха, но и спасение для «обновления жизни», «жизни во Христе», для свободы; это «оправдание», «святость», «мудрость», это вера, надежда, любовь. Оно требует для своего абсолютного завершения «вечной жизни».

Что же касается других религий, то в их языке понятие спасения либо отсутствует, как, например, в буддизме и индуизме, где оно понимается как свобода от кармы, освобождение от окружающей жизни, осознанное преодоление желаний, привычек. Либо, как в иудаизме, присутствует, но не как спасение от «вечной смерти» (отделение от Бога), а от трудностей, забот и суеты повседневной жизни. Для мусульман же благая весть Корана заключается в том, что люди при сотворении были наделены неиспорченной природой и истинной религией и тем самым уже были спасены. Тогда как в христианстве Бог из любви к людям приблизился настолько к ним, что сам стал человеком, воплотившись в Иисусе, чтобы смертью искупить грехи человечества. Потому что Бог «хочет, чтобы все люди спаслись» (1 Тим. 2:4), и поэтому послал своего «Сына Спасителем миру» (1 Ин. 4:14).

Верить в Христа-Спасителя, следовать заповедям Христа, быть Им — и есть путь спасения в христианстве.

Трудно себе представить, чтобы идея религиозного спасения могла стать в наши дни альтернативой про-

должающемуся кризису, хотя о ней нередко говорят сторонники межрелигиозного диалога. Готовности к такому диалогу явно нет. А что есть? Во-первых, понимание важности для его начала представления о мировом религиозном опыте как достоянии всего человечества и вкладе каждой религии в этот опыт. Во-вторых, есть память о последствиях Второй мировой войны и коллективных усилиях по их преодолению благодаря появившимся таким международным организациям, как ООН и Всемирный совет церквей. И в-третьих, есть знание о глубине и сложности глобальных проблем и их последствий для будущего.

Святая Троица и три ветви власти. Процесс христианизации народов Европы, продолжавшийся 17 столетий, после эпохи Реформации не мог не привести к секуляризации общественного сознания, в результате которой религия стала заметно терять свое бывшее влияние на жизнь общества и отдельной личности*. Но, определяя новую общую тенденцию, секуляризация не подрывала веры в Иисуса Христа. В этом убеждают, в частности, письма одного из отцов-основателей США, Томаса Джефферсона, который отвергал догмат Святой Троицы — христианский символ веры, иронизируя на тему невозможности равенства одного трем. «Три есть один, один есть три, но в то же время один не есть три, а три не есть один... Все это составляет ремесло, профессию, власть и доходы священников-шарлатанов»

---

* *Раушенбах Б.В.* Логика троичности // Он же. Пристрастие. М.: Аграф, 1997. С. 117–129.

(письмо Дж. Адамсу от 22 авг. 1813). При этом он утверждал, что «из всех систем морали самая чистая — учение Иисуса» (письмо У. Шорту от 31 окт. 1819). То есть Джефферсон видел в Иисусе Христе скорее учителя морали и социального реформатора, чем Бога. «Его [Иисуса] моральное учение продиктовано любовью ко всем людям... ко всему человечеству, собирая всех в единую семью, связанную узами любви, милосердия, мира, общих нужд и общих целей» (письмо Б. Уотерхаузу от 26 июня 1822).

Едва ли кто-то до Реформации написал бы нечто подобное. Цитата, приведенная ниже, уже плод века Просвещения, и написано это известным политиком, который, конечно, помнил и понимал, почему первые переселенцы (диссиденты) из Англии отправились в 1620 году в Америку. «Существуют права, которые не имеет смысла передоверять правительству и которые все правительства до сих пор всегда стремились нарушать. Это право мыслить и предавать гласности свои мысли устно или письменно; это право свободной торговли; это право личной свободы и неприкосновенности» (письмо Хамфрису. 1789).

И еще: «Нет, друг мой, — писал Джефферсон в 1816 году, — верный способ получить хорошее и безопасное правительство — это не доверять всего управления одному человеку или правительству, но разделять его между многими»*.

В этой фразе самое важное слово «разделять», с одной стороны, напоминающее о проблеме разделения властей,

---

* Томас Джефферсон о демократии. СПб., 1992.

которой отцы-основатели США придавали первостепенное значение, выстраивая свою систему сдержек и противовесов. А с другой стороны, отсылающее к истории борьбы за разделенную власть английских баронов, заставивших в июне 1215 года Иоанна Безземельного скрепить королевской печатью Великую хартию вольностей. Знаменитая 39-я статья Хартии гласила: «Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо (иным) способом обездолен, и мы [король] не пойдем на него и не пошлем на него кого-либо иначе, как по законному приговору равных его (его пэров) и по закону страны»*.

Этой статьей английские бароны в XIII веке фактически заставили своего короля (хотя и ненадолго) признать, что он *первый*, но *среди равных ему*.

Первым среди равных (лат. *primus inter pares*) называли когда-то Цезаря в Древнем Риме, что означало первенство среди таких же достойных граждан Рима.

Однако речь идет не о том, что кого-то выбирали и называли когда-то первым. То время прошло. Речь о борьбе за равноправие — важнейшем принципе современной демократии, согласно которому все граждане равны перед законом, и вере в достижение такого равенства. То есть, по сути, о понимании христианского символа веры, в котором заключена историческая тайна смысла либеральной демократии, как становления современных общественных институтов.

---

* Данцигер Д., Гилленгэм Д. 1215. Год Великой хартии вольностей / Пер. с англ. В. Болотникова, А. Климина. М.: Фонд Эрвез, СПб.: Изд-во Симпозиум, 2009. С. 334.

В ходе начавшейся в Европе борьбы за разделение властей их «единство» и «прозрачность» будут достигаться постепенно на основе формально близкой к догмату Святой Троицы мыслительной схемы. А именно — со временем станет понятно, что, обладая свойством непрерывности, христианская история существует в долговременном мышлении благодаря постоянной интерпретации заложенных в ней смыслов, исходный пункт которых может быть описан, выражаясь словами Августина, через единство, *unitas* (Бог Отец), равенство, *aequalitas* (Бог Сын) и согласие, *concordia* единости и равенства (Бог Дух Святой), — во имя земного спасения. Поскольку единство, равенство и согласие существуют не сами по себе, а ради Другого: все едины ради Отца, равны ради Сына и соединены ради Святого Духа.

Фактически Августин в трактате «О христианском учении» через эти отношения (единства, равенства и согласия единства и равенства), пишут авторы книги «Пути к универсалиям» Светлана Неретина и Александр Огурцов, дал своеобразное определение Бога, используя аристотелевскую категорию отношения, которым «называется то, о чем говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим»*.

Понятие «суверенитет» и его переосмысление. В истории любого народа в переломные эпохи многое, если не все, определяют человеческие страсти, находящие разрешение в исторических символах — идет ли речь о борьбе народа за независимость или людей за граждан-

---

* Пути к универсалиям. СПб., 2006. С. 186.

ские права и политические свободы. В сущности, два этих символа — национальный суверенитет и права человека — и подсказывают, на мой взгляд, выход из переживаемого сегодня политического кризиса, при условии переосмысления понятия «суверенитет».

Буквально определяемый как «господство верховной власти», суверенитет предполагает исторически сложившуюся коннотацию с иерархией и главенством, поскольку уже в самом понятии власти, определяемой, выражаясь по-русски, как «право господства» (Господа дар), ощущается дух метафизического единства. Поэтому можно предположить, что когда мы рассуждаем на эту тему, пишет Бедри Генчер (Технический университет, Стамбул), мы употребляем слово «право» во множественном числе лишь фигурально. Ибо в священных текстах, в частности в Коране, «право» всегда упоминают в единственном числе и с определенным артиклем: это призвано подчеркнуть единство и неделимость Права*.

И то же самое мы видим и в европейской истории, но с одной существенной оговоркой: здесь в XIII веке понятие «разделение властей» вступило в конфликт с понятием «верховная власть», с «божественным правом королей».

Если рассматривать власть как структуру, конфигурация которой обусловлена социально, говорится в статье Б. Генчера, то в трехчастном разделении вла-

---

* *Gencer B. Sovereignty and the Separation of Powers in John Locke // The European Legacy, 2010. Vol. 15. № 3. P. 323–339* [Генчер Б. Суверенитет и разделение властей в учении Джона Локка // Общая тетрадь. 2016. № 3–4 (71). С. 89–111].

стей можно увидеть доктринальное выражение конкуренции в Европе трех социальных сил — теологической, политической и общественной, которым соответствуют папство, монархия и феодализм. А при более подробном изучении этого вопроса мы обнаруживаем явную параллель между Божественной Троицей и тричным делением власти, пишет он, цитируя при этом вопрос политического теолога XVII века Джона Сэдлера (John Sadler), автора книги «Права королевства» («Rights of the Kingdom», Лондон, 1649): «Почему Святая Троица не может найти свое воплощение в политическом теле так же, как она воплощается во всем живом?»

Современный политический философ Морис Вайль высказывает похожую мысль: «Даже не опираясь более на авторитет священных текстов, нельзя не отметить, что в трехчастном методе организации власти есть что-то мистическое»*.

Разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную предложил в свое время Джордж Лоусон, книга которого «Politica Sacra and Civilis» (1660) получила высокую оценку Локка. Но Лоусона в отличие от Локка интересовала природа разделенных властей, их соотношение с Богом-Отцом, Богом-Сыном и Богом — Святым Духом, а не их соотношение друг с другом и независимость друг от друга. То есть эта доктрина «предполагала *соразмерное* использование верховной власти каждой из ипостасей триединого Бога и

---

* *Vile M.J.C. Constitutionalism and the Separation of Powers / 2nd ed. Indianapolis: Liberty Fund, 1998. P. 16.*

тем самым ее членение по горизонтали»*. А Локк подходил к проблеме с позиции привычного, существующего представления о вертикальном разделении властей (на законодательную — верховную и исполнительную), что позволило ему примирить неделимость суверенитета с разными вариантами его использования. Суверенитет означал для него верховенство и единство власти, переданной Богом народу, а от народа правителю посредством серии договоров.

Между тем в книге французского католического философа Жака Маритена (одного из авторов Всеобщей декларации прав человека) «Человек и государство», изданной вскоре после Второй мировой войны, когда закладывались основы будущего Европейского союза, читаем: «Два понятия — „суверенитет“ и „абсолютизм“ — были когда-то выкованы вместе, на одной наковальне. И оба их следует отбросить»**.

Свой анализ исторического контекста, в рамках которого произошло их отождествление, Маритен начинает со следующего замечания: слова *principatus* и *suprema potestas* часто переводят как «суверенитет», а *princeps* (государь) — как суверен. «Это неверный перевод, запутывающий дело с самого начала. *Principatus* (господство) и *suprema potestas* (верховная власть) обозначают просто „верховную управляющую власть“, а вовсе не „суверенитет“, как считалось с того момента, когда это понятие впервые появилось в словаре политической теории. Наоборот, слово „суверенитет“ переводилось

---

* Gencer B. Op. cit. P. 331.

** Маритен Ж. Человек и государство / Пер. с англ. М., 2000. С. 56.

латинским *majestas* (величие, авторитет), что было хорошо известно во времена Жана Бодена» (с. 37).

Сочинение Бодена «Шесть книг о республике», опубликованное в 70-е годы XVI века, было посвящено ограничению монархии. Суверенитет он понимал как независимость государства от папы римского, от церкви и от любого другого государства. Именно Боден сформулировал понятие абсолютной суверенной власти, заявив, что зарождение монархии было вызвано развитием человеческого общества, а не божественным промыслом. Но в отличие от своих современников протестантов утверждал, что граждане не вправе восставать против своих правителей.

Таким образом, не величие и авторитет, освященные божественным правом, а суверенитет в смысле светского законодательства, устанавливаемый по произволу человека, по словам Маритена, составляет сущность политического абсолютизма. Ибо эта власть абсолютна (*absolute* — то есть не связана ничем) и в конечном счете не ограничена по объему и сроку.

После заключения в 1648 году Вестфальского мира, когда государство было признано непререкаемым гарантом внутреннего порядка, наделенным правом ведения внешней войны, концепция суверенитета как абсолютной власти монарха нашла, как известно, международное признание.

Однако по мере того, как выявлялись связанные с этим практические проблемы, относящиеся к области международного права (на Венском конгрессе 1814 года европейские державы пришли к выводу, что ради международной стабильности надлежит отказаться от догмата Вестфальской системы о нерушимости госу-

дарственного суверенитета), дискуссии о суверенитете стали приобретать более острый характер. И в начале XX века был поставлен вопрос, кто все же является носителем суверенитета — международное сообщество в целом или отдельные государства?

Так средневековая идея «божественного (справедливого) права», переосмысленная в эпоху Просвещения в терминах гражданских прав и свобод, постепенно выходила за государственные границы, сохраняя при этом свое символическое значение в рамках трехчастной структуры независимой судебной власти (прокурор, судья, адвокат).

Исторический опыт XX века показал: влияние религиозной веры на общественную жизнь усиливается в странах ислама, тогда как в христианских странах доминирует скорее философская вера в результате перехода от общества с религиозной традицией к светской модели общественного устройства на основе рационального познания (от лат. *ratio* — разум; основание, довод, способ, мера). «Несмотря на проблемы, — пишет Сергей Гуриев, один из авторов книги „Quo Vadis?“ — Евро-союз... единственное в истории наднациональное объединение, государства-члены которого сознательно пожертвовали значительной частью своего суверенитета и которое обеспечило мир и процветание на территории, раздираемой конфликтами и войнами на протяжении тысячелетий».

Насколько самостоятельны современные государства и каковы пределы их дееспособности? Могут ли они в одиночку обеспечивать благосостояние и безопасность граждан, охранять границы, регулировать экономическую деятельность, предотвращать финансовые

кризисы, оберегать здоровье людей и противостоять опасности экологической катастрофы?

В течение последних четырех столетий в странах Запада произошло не менее 10 революций, и сегодня все они сошлись в одну — глобальную, с ее вызовами и угрозами и главной проблемой — доверия не только человека человеку, государства государству, но и к современным достижениям науки и техники в целом.

*С чего начинается Школа**

Дорогие друзья, коллеги, я не поэт, но сегодня нельзя без поэзии...

Пролетело лето. Проползла и осень.
Бабочкой снежинкой кружится зима.
Ну а мне сегодня захотелось очень,
Чтоб была на свете ты совсем одна.
Знаю, это глупо. Знаю — неразумно,
И вообще дичайший эгоизм.
Только Ленка, милая, разве можно жить, не чувствуя,
Что такое жизнь...

Я думаю, вы догадались, кому посвящены и к кому обращены эти поэтические строки?..

А теперь вопрос: с чего начинается и благодаря чему существует наша Школа? Конечно, благодаря встречам и общению, так как встречи и общение и есть жизнь. Человеческое в человеке проявляется именно в общении, которое по определению не может быть принудительным. Так ведь? Потому что общение предполагает свободу. А иначе не было бы дружбы, доверия, любви — этих уникальных событий в нашей жизни. Запретить их

---

* Дополненный текст выступления, посвященного 25-летию Школы, на III Международном форуме в Берлине 22 ноября 2017 г.

невозможно, как и свободу. Они есть и будут, потому что сущность человека, повторю еще раз, в общении, которое начинается — и я думаю, вы с этим согласитесь, — с поиска слова для передачи искреннего чувства. То есть любой даже неосознанный поиск нужного слова уже можно рассматривать как своего рода приглашение к общению с Другим. Тем более сегодня, в эпоху глобального кризиса, когда существует явный запрос на доверие и истину, которая ни на чем не держится.

Напомню о понятии «осевое время». О появлении между VIII и II веками до н.э. греческих философов, индивидуально и личностно датируемых мировых религий в Индии и на Ближнем Востоке и моральных учений в Китае. Этот период Ясперс назвал *Axenzzeit*, «осевым временем», подразумевая, что отсюда берет начало общая история человечества.

Почему я об этом напоминаю? Потому что существует так называемый феномен конгениальности, на который и указывает понятие «осевое время». Конгениальный — значит, сходный по духу, образу мыслей. Это было время глубокой и напряженной рефлексии, осмысления и выбора пути, когда на смену мифологическому мировоззрению пришло философское и религиозное мировоззрение, и сейчас мы переживаем, несомненно, нечто похожее, когда восстанавливается, подобно прорастающему зерну, преемственность с такими историческими вехами *Axenzzeit*, как Возрождение, Реформация, барокко, Просвещение.

Чтобы не быть голословным, сошлюсь на представленный в 2017 году доклад Римского клуба «Come on!» («Давай же!») С подзаголовком «Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты». Он написан двумя

президентами клуба, Эрнстом фон Вайцеккером (Германия) и Андерсом Вейкманом (Швеция), при участии 34 других его членов. В аннотации к докладу, посвященному 50-летию клуба, изданному в виде книги, говорится: современные тенденции развития мира неудовлетворительны. Предостережения Римского клуба, изложенные в свое время в книге «Пределы роста», по-прежнему актуальны. Похоже, мы находимся в философском кризисе. Папа Франциск выразил эту мысль со всей определенностью: наш общий дом — в смертельной опасности. Посредством анализа философского кризиса в докладе сделан вывод о необходимости «нового просвещения».

И дальше. Для достижения поставленной цели следует преодолеть разобщенность, отказаться от изоляционистских моделей развития в пользу более систематического подхода к разработке перспектив мироустройства, который потребует в том числе и переосмысления принципов организации науки и образования. Однако действовать нужно уже теперь — *Come on!*

Разумеется, мы не договаривались с Римским клубом о программе нашего форума, конгениального, на мой взгляд, названному докладу. Отличие между клубом и форумом я вижу лишь в том, что в докладе говорится о «новом просвещении», а мы продолжаем заниматься гражданским просвещением. И в этой связи не могу не сказать о Катрин Лалюмьер, Генеральном секретаре Совета Европы (1989–1994), благодаря которой появилась наша Школа, и постараюсь ответить на вопрос, почему важно в условиях глобального кризиса именно гражданское просвещение.

По словам папы Франциска, «наш общий дом — в смертельной опасности». Насколько готовы, и готовы ли

мы вообще, живущие в этом общем доме, «спасти» его? О создании какой инфраструктуры в этом случае может идти речь? Что важнее в таком необычном доме — фундамент, стены, крыша?..

В СССР за несколько десятилетий до того, как он распался, хорошо помню, появились две метафоры, которыми описывалась похожая ситуация. После прихода к власти Брежнева было сказано: все мы в одной лодке, и, чтобы она плыла, не надо ее раскачивать. И советские люди, как известно, не раскачивали, раскачала сама власть, начав афганскую войну. А вторая метафора такая. Научно-технический прогресс сравнивали с велосипедом. И призывали, не переставая, крутить педали, чтобы не свалиться. Однако, увы, ничто не спасло страну развитого социализма от распада. А такой дом, как планета Земля, в котором в 1900 году было 1,6 млрд жителей, а сегодня уже более 7 млрд? Когда вместе с ростом населения растет и воздействие человека на природную среду и людей друг на друга. Сложность и глубина проблем, вызванных глобализацией, столь же очевидны, как и то, что для их решения требуется сотрудничество государств и международных неправительственных организаций. И безусловно, нужна вера в принципы верховенства права, демократического управления, открытого рынка. Об этих принципах, считаем мы в Школе, и я это часто повторяю, не стоит забывать хотя бы потому, что их родина — Европа, которая и наша родина, где были сформулированы в XVIII веке идеи, положившие начало современному процессу глобализации.

Учиться жить в глобальном мире, практиковать сложность современной жизни в условиях демократии — не просто. Для этого тоже нужна некая инфраструктура.

Назову ее условно инфраструктурой идеального, так как создается она с помощью ума, без технологий и представляет собой своеобразный образец рациональности, содержащий в себе причину самого себя. И проявляется на уровне здравого смысла. А если этот здравый смысл начинает вытесняться нигилизмом? Философы по этому поводу говорят, что природа мысли не является проблемой позитивной науки, которая всегда стремится к достижению конкретных результатов. И подчеркивают: реализация мысли и ее жизнь связаны с концентрацией особого интеллектуального усилия, уходящего в глубины и тайну человеческого я. Таких тайн для понимания, а не для решения много. И поскольку их много, появились разные философии: философия математики, философия жизни, философия свободы, философия истории, философия политики. Хотя на самом деле философия одна — любовь к мудрости. А самыми известными ее творцами были Платон, Декарт, Кант...

А если ближе к нашему времени, в XX веке — один из вдохновителей Школы (как и о. Александр Мень) — Мераб Мамардашвили. Для Мамардашвили философия была способом приобщения к вечному настоящему, которое он определял как место, где мы современны со всеми людьми. То есть первый философский шаг, с которого он начинал, — полное доверие жизни. И при этом нередко повторял, что сделать его невероятно трудно, противопоставляя себя миру, предъявляя ему претензии. Однако если найдена точка опоры, которая всегда связана с мудростью (со знанием незнаемого, его смыслом), то все встает на свое место. Человек обретает свободу. И более того, именно в этой ситуации у него появляется шанс встретить Другого.

Таким образом, можно учиться и стать историками философии, учителями, политиками, журналистами, даже поэтами. Но нельзя научить человека быть философом, поэтом, учителем, гражданином. В этом я вижу смысл существования Школы гражданского просвещения — рождению понимающих. Возвращение к здоровому смыслу невозможно без философии.

Я сказал, что Мераб Мамардашвили был одним из вдохновителей Школы. Поэтому сегодня, когда мы отмечаем наш юбилей, в завершение своего выступления процитирую несколько отрывков из его интервью «Философия — это сознание вслух», которое было опубликовано в журнале «Юность» в 1988 году (№ 12).

— Я не буду говорить о специальных проблемах философии. Хочу лишь выделить некое ядро, которое в философии существует и которое поддается общепонятному языку, где достижима ясность, та ясность, которая возникает в душах людей, слушающих или читающих философскую речь. То есть как бы человек пережил что-то, испытал, но просто слов не знал, что это может так называться, и что можно, более того, пользуясь этими словами, пойти еще дальше в переживании и понимании своего опыта. Во все времена и везде философия — это язык, на котором расшифровываются свидетельства сознания.

— Философский акт состоит в том, чтобы блокировать в себе нашу манию мыслить картинками. Когда мы убираем картинки из нашего сознания, мы начинаем мыслить. Это означает, что наше мышление всегда гранично или на пределе. То есть то, что философы называют смыслом — смыслом истории или смыслом

мироздания, — это то, что никогда не реализуется в пространстве и времени. И никогда не исполняется в виде какого-нибудь события, например государственной конституции, которая была бы примером этого смысла. Смысл (а он всегда полный) не есть предмет, находимый в мире, — так же как граничный конец истории не есть часть истории. Конец времени не есть часть времени. Мы всегда должны мыслить посредством тех вещей, которые помещаем на границу, сопрягая на ней реальные события, и никогда не помещать их внутрь мира, не ожидать их внутри мира.

К сожалению, в нашем обыденном мышлении, в том числе и в социальном, мы всегда совершаем роковую ошибку. То, что в действительности является предельно сопрягающим поля наших усилий, мы помещаем в мир в виде искомого в нем совершенного образца и ходячего идеала. Например, говорим: покажите нам справедливый конкретный закон, и тогда мы будем жить по закону. Но был ли когда-нибудь и где-нибудь такой конкретный закон, при применении которого всегда торжествовала бы справедливость? И когда мы не можем это показать (а показать нельзя: этого нет), торжествует нигилизм. Из-за непонимания того, как устроены мы сами, как устроена наша нравственность.

— Если мы настроены на то, чтобы быть демократами только при том условии, что нам будет показан чистый образец демократии, и тогда будем мы демократами и будем видеть в этом для себя лично смысл, — мы просто нигилисты.

— Чтобы нам быть гражданами, то есть жить социально грамотно, нам нужно понимать какие-то отвле-

ченные истины относительно самих себя, своих предельных возможностей.

И вот здесь, в этих отвлеченностях и их выявлении, я и вижу призвание философа, потому что мы находимся в периоде уже затянувшегося одичания сознания.

— Мы живем в ситуациях, когда все никак не можем признать достоинство человека. Живем в ситуациях, когда никакая мысль не прививается. Не просто по глупости. А потому, что додумывание ее до конца ставит под вопрос нас самих. И никогда не извлекаем опыт. Все заново и заново повторяется, раз сохраняем себя против всего того, что не можем вместить, не изменившись сами.

— Сейчас мы не можем жить цивилизованной общественной жизнью, не восстанавливая автономную духовную сферу независимой мысли. Сознание наше живет в напряженном поле, очерченном предельными границами смыслов, и ясность в нем возможна только тогда, когда мы владеем языком этих смыслов, то есть понимаем их отвлеченность, их граничную природу. В том числе и в поле символов «человек», «смерть», «смысл жизни», «свобода» и т.д. Это вещи, производящие сами себя.

— Наше государство не является государством в традиционном смысле слова, потому что оно совпадает с обществом. Поэтому когда я говорю, что только внутри государства можно мыслить граждански, я имею в виду европейское государство, рядом с которым есть гражданское общество. Есть целые сферы общественной жизни, которые государство не должно контролировать. Государство есть один из органов общества и политического и гражданского мышления, не более того.

— Я хочу определить философию как сознание вслух, как явленное сознание. То есть существование феномена сознания — не вообще всякого сознания, а того, которое я бы назвал обостренным чувством сознания, — для человека судьбоносного, поскольку от этого сознания человек, как живое существо, не может отказаться. Ведь, например, если глаз видит, то он всегда будет стремиться видеть. Или если вы хоть раз вкусили свободу, узнали ее, то вы не можете забыть ее, она — вы сами. Иными словами, философия не преследует никаких целей, помимо высказывания вслух того, от чего отказаться нельзя. Это просто умение отдать себе отчет в очевидности — в свидетельстве собственного сознания. То есть философ никому не хочет досадить, никого не хочет опровергнуть, никому не хочет угодить, поэтому и говорят о задаче философии: «Не плакать, не смеяться, но понимать». Я бы сказал, что в цепочке наших мыслей и поступков философия есть пауза, являющаяся условием всех этих актов, но не являющаяся никаким из них в отдельности. Их внутреннее сцепление живет и существует в том, что я назвал паузой. Древние называли это «недеянием». В этой же паузе, а не в элементах прямой непосредственной коммуникации и выражений осуществляется и соприкосновение с родственными мыслями и состояниями других, их взаимоузнавание и согласование, а главное — их жизнь, независимая от индивидуальных человеческих субъективностей и являющаяся великим чудом. Удивление этому чуду (в себе и в других) — начало философии (и ...любви).

Так говорил философ три десятилетия назад.

Одна из задач, предложенных для ЮНЕСКО в 1946 году подготовительной комиссией Первой сессии Генеральной конференции, заключалась в том, чтобы программа по философии «наполнила общественное сознание определенным объемом философских и моральных понятий для формирования философского багажа, который будет призван укрепить уважение к человеческой личности, любовь к миру, неприятие узкого национализма и власти грубой силы, солидарность и готовность служить идеалам культуры».

Memorandum on the Philosophy programme of UNESCO

(24 June, 1946)

Мировоззренческая альтернатива

Мировоззрение, мировоззрение, я нуждалась в нем. Не в «линии партии», и не в «теории литературы», а в чем-то более глубоко, незыблемом, общем.

Лидия Чуковская. Прочерк

Вернемся к проблеме мировоззрения.

Каким образом именно философское мировоззрение может быть сегодня стратегией и одновременно способом достижения такой сложной цели, как сдерживание глобального кризиса?

С помощью философского окна, позволившего в свое время Канту ясно увидеть, как работает сознание, и показавшему, что для этого необходима критика чистого разума. Чистым он называл разум, независимый ни от какого опыта, и считал, что он должен предшествовать скептическому, догматическому и эмпирическому философскому исследованию. А именно — начинаться с признания метода трансцендентальной философии, так как только им может проверяться возможность трансцендентного знания (Бога, души), превышающего пределы опыта, и тогда становится доказанным, что известные идеальные элементы мысли (пространство и время) в равной степени необходимы и для опыта, и для трансцендентального познания.

Скептическим Кант называл философское сомнение в возможности именно трансцендентного, внеопытного знания; догматическим — исследование, выходящее за пределы опыта без его обоснования познанием, а

ограничение философии только областью опыта — эмпиризмом.

То есть это был философский демарш, напоминающий, по сути, декартовский с его методом радикального сомнения, проделанный на полтора века раньше. Однако Декарт в отличие от «Критик» Канта в своих «Правилах для руководства ума» подверг вначале сомнению абсолютно все (включая мистическое знание), так как был убежден, что любое утверждение о мире, о Боге и человеке может вызвать сомнение, что наша психика и чувства обманчивы. Но поскольку, заключил он, *я мыслю*, следовательно, принимаю за истинное то, что самоочевидно, — *я есть*. Ведь это воспринимается мной ясно и отчетливо и не дает повода к сомнению. А значит, и психика меня не обманывает.

А вот что он пишет об этом в «Первоначалах философии», гораздо позже: «Так как мы появляемся на свет младенцами и выносим различные суждения о чувственных вещах прежде, чем полностью овладеваем своим разумом, нас отвлекает от истинного познания множество предрассудков; очевидно, что мы можем избавиться от них лишь в том случае, если хоть раз в жизни постараемся усомниться во всех тех вещах, в отношении достоверности которых мы питаем хотя бы малейшее подозрение.

[...] Это — наилучший путь к познанию природы ума и его отличия от тела. Ведь, исследуя, кто мы такие, предполагающие все отличное от нас ложным, мы в высшей степени ясно усматриваем, что к нашей природе не имеет отношения ни какая-либо протяженность, ни какая бы то ни была фигура, ни перемещение в пространстве, ни что-либо иное подобное, являющееся

свойством тела, но ей причастно одно лишь мышление, познаваемое нами поэтому прежде и достовернее, чем какая бы то ни было телесная вещь: ведь наше мышление мы уже восприняли, а по поводу всего остального продолжаем сомневаться»*.

Таким образом, философия Декарта и философия Канта — лучший пример для иллюстрации уже сказанного, что надо не только слушать других, но и стремиться понимать себя. Ибо, только понимая себя, можно понять других и окружающий мир.

Это важно, так как имеет непосредственное отношение к философскому мировоззрению. С одной оговоркой относительно декартовского противопоставления души и тела, о котором я скажу позже.

Рене Декарт жил в XVII веке, в век «научной революции», и являлся одним из тех европейских мыслителей, кто напрямую связывал развитие научного мышления с философскими принципами познаваемости мира, подчеркивая, что нужна философия нового типа, которая сможет помочь людям в их практических делах. Поэтому его вклад в философию не случайно считают классическим построением философии рационализма как универсального метода познания, благодаря которому он внес и свой вклад в «научную революцию», заложив основы аналитической геометрии и математического анализа. И происходило это наряду с другими принципиально новыми открытиями в ту эпоху в физике и математике. Назову лишь главные: французский математик-

---

* *Декарт Р.* Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. I. С. 314, 316.

самоучка П. Ферма (1601–1665) создал теорию чисел; итальянский математик и физик, ученик Галилея Э. Торричелли (1608–1647) — научные направления гидравлики и метеорологии; нидерландский астроном, математик и физик Х. Гюйгенс (1629–1695) раскрыл тайну кольца Сатурна; И. Ньютон (1643–1727) сформулировал основные законы механики и открыл закон всемирного тяготения.

Однако XVII век не является веком научного мировоззрения, учитывая, что католическая церковь в 1663 году наложила запрет на труды Рене Декарта, а еще раньше, в 1633-м, заставила Галилео Галилея отречься от коперниканского понимания законов космоса. Век научного мировоззрения начнется позже, в конце XVIII — первой половине XIX века. А пока это век завершения великих географических открытий и становления капитализма, роста промышленности, Реформации и Контрреформации, гражданской войны в Англии, 30-летней войны, Вестфальского мира и век барокко, художественного стиля в искусстве, воплотившего новые представления о единстве и многообразии мира, его драматической сложности и изменчивости. По числу великих художников этот век не уступает эпохе Возрождения; искусство переживает в это время подъем фактически во всех европейских странах одновременно с развитием науки и техники, которые ориентируются на решение задач экономического и политического развития европейского общества.

Если человеком Средневековья окружающая природа и общество воспринимались и понимались как существующие согласно божественным законам, то европейская цивилизация Нового времени выдвинула в качестве важнейшей ценности человеческий разум, при-

дающий смысл открывающимся связям в окружающем мире. И это не могло не повлиять на то, что называют обычно мировоззрением (совокупностью взглядов и представлений человека о мире, обществе и месте человека в мире), религиозная форма которого стала вытесняться наукой. Поскольку именно наука делает мир непонятным и в то же время способствует пробуждению интереса к проблемам герменевтики (интерпретации, понимания), после того как Кант подверг *критике* в том числе и разум, обращаясь к исследованию вопроса об условиях и границах познания, его априорных и апостериорных элементах. И тем самым показал, что к *кризису* философию может приводить не только скептицизм и эмпиризм, но и догматический рационализм, когда люди принимают как догмат положение о познаваемости мира.

Я специально выделил курсивом слова «критика» и «кризис», чтобы подчеркнуть их общую этимологию и сказать, что они описывают состояние, в котором еще ничто не определено. В кризисной ситуации люди, как известно, всегда ищут какой-то выход (первоначальное значение древнегреческого слова «кризис» указывает на поиск такого выхода: исход, решение, спор; состояние, при котором существующие средства достижения целей становятся неадекватными). Более того, как пишет в своей книге «Критика и кризис» немецкий историк Райнхарт Козеллек, греческое слово *κρίνειν* (рассуждать), означает одновременно субъективное «суждение» и объективный «кризис»*.

---

* См.: *Koselleck R. Kritik und Krise. Eine Studie zur Pathogenese der bürgerlichen Welt.* Frankfurt/Main, 1973.

Новое время, замечает он, началось в условиях экзистенциального, социального и политического кризиса, который открыл возможность критики и в конце концов обеспечил ее успех, свидетельствующий о рождении эпохи современности. Или, другими словами, буржуазного мира и секуляризации, когда место религии заняла критическая мораль, теология была вытеснена философией истории, а история приравнена к прогрессу — мысли, свободы, морали.

И произошло это благодаря критике, к которой Кант относился не как к историческому знанию или критике общества, а как к Просвещению, которое продолжается.

От чего мы, живущие в современном мире, больше всего зависим? От угрозы ядерной войны, глобального потепления, коррупции, терроризма, болезней? От наших надежд и желаний, чувств, способностей?

От всего, но так или иначе, уже зная о зависимости и кризисе, стремимся его преодолевать с помощью науки, искусства, законодательства, сотрудничества, международных организаций и т.д. Поэтому вопрос о гражданском просвещении неизбежен, как и продолжающийся поиск ответа на, казалось бы, давно известный вопрос: «Как жить вместе?»

О каком свете (поскольку критика и просвещение без него невозможны) идет речь в русской пословице: «Ученье — свет, а неученье — тьма»? О солнечном, естественном? А откуда и благодаря чему появился электрический, искусственный свет?

Великое изобретение искусственного света начинается с греческого слова «янтарь» (др.-греч. ἤλεκτρον).

Греки называли янтарь электроном — по имени звезды Электра из семьи Плеяд в созвездии Тельца. Янтарь вызывал у них особый интерес своей способностью электризации (потертый о шерсть, он притягивал легкие предметы), на что, по преданию, обратил внимание философ и математик Фалес из Милета (ок. 625–547 до н.э.). Сам же термин «электричество» появился лишь в XVII веке, вначале его ввел в обращение английский естествоиспытатель Уильям Гилберт, а затем в 1663 году магдебургский бургомистр, физик Отто фон Герике создал из насаженного на металлическую ось серного шара электростатическую машину, которая позволила наблюдать не только эффект притягивания электронов (хотя их так тогда еще не называли), но и их отталкивание. А позже, уже в 20-е годы XVIII века, другой англичанин Стивен Грей провел опыты по передаче электричества на расстояние, обнаружив, что не все материалы его одинаково передают. Эти два события — наблюдение эффекта отталкивания и притягивания электронов и опыты по передаче электричества на расстояние — и стали началом дальнейшего пути поисков и открытий, которые привели в итоге к решению проблемы сверхпроводимости электропроводов (она была обнаружена в целом ряде металлов и сплавов), созданию трансформатора и другим техническим изобретениям. Позволившим использовать электричество не только в производственных целях, но и для передачи информации и, конечно, для освещения после изобретения в 1870-е годы лампы накаливания.

Все это происходило благодаря наблюдениям и бесконечным экспериментам, на основе которых выводились математические уравнения, формулировались

законы: закон Кулона, закон электромагнитной индукции Фарадея и т.д. Физический закон — это уже эмпирически установленная и выраженная математически связь между повторяющимися явлениями, процессами и состояниями, то есть опытное, научное познание природы в отличие от умопостигаемого платоновского познания идеи общественного блага.

Поэтому, переходя от физики к социальной философии, остановлюсь коротко на понятии умопостигаемости, но не в виде описания «подъема души в область умопостигаемого», как у Платона в ситуации «выхода из знаменитой пещеры», а свидетельства Иисуса о Иоанне Крестителе, согласно Евангелию от Матфея. «Истинно говорю вам <...> От дней же Иоанна Крестителя донныне царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его. Ибо все пророки и закон прорекли до Иоанна <...> Кто имеет уши слышать, да слышит!» (11, 11-14).

То есть в этом свидетельстве заключена мысль о том, что закон, обеспечивая определенную устойчивость «общественного порядка», порождает добро, а в случае его нарушения — кризис и зло. Ибо «оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати» (Гал. 5, 4). И тогда пророк провозглашал, что является законом и может быть восстановлено только духовной силой человека.

«К свободе призваны вы, братия <...> любовью служите друг другу. Ибо весь закон в одном слове заключается: Люби ближнего твоего, как самого себя. Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом» (Гал. 5, 13-15).

Разумеется, этот призыв апостола Павла не имеет прямого отношения к области умопостигаемого: это не философский язык и не язык науки, а язык Церкви. Но и в этом случае истина коммуникативна и может быть понята как возможная все-связь жизни в сфере человеческого сознания. Напомню, что философия — это язык, на котором расшифровываются свидетельства сознания.

Итак, в разное время разные люди на европейском континенте — я имею в виду не только физиков и теологов, но и философов — решали разные задачи, но их решение привело в итоге, как уже было сказано, к сходному цивилизационному результату: изобретению двух конструкций — физической и социальной (институциональной), — позволяющих сохранять и передавать в одном случае искусственный свет, энергию, производимую с помощью техники, а в другом — свет разума.

Это и был вклад Европы в создание современной цивилизации (глобального мегаполиса), интеллектуальным фундаментом которой являются понятия демократии и свободы, или, другими словами, европейский опыт толерантности. Благодаря появлению институтов разделенной политической и судебной властей, выполняющих функцию цивилизующего начала, по аналогии с трансформаторами в инфраструктуре энергетического обеспечения, которые используются для преобразования параметров тока до нужных величин.

Таким образом, напрашивающаяся параллель между трансформатором тока и социальным институтом, на мой взгляд, возникает сама собой в связи с понятием света, который «во тьме светит, и тьма не объяла его». Однако, и это главное, чтобы электричество и свет разума продолжали светить, не стоит забывать о нашей

сохраняющейся в условиях глобального кризиса абсолютной от них зависимости. Я обращаю на это внимание как заинтересованное лицо в продвижении идеи гражданского просвещения.

Увы, сегодня снова актуален вопрос о транзите. На первый взгляд, после продолжавшегося 70 лет революционного интернационального перехода от капитализма к коммунизму, а затем неудавшегося транзита от «развитого социализма» к демократии вопрос о транзите кажется абсурдным. Хотя бы потому, что ответ на него уже дан просвещенной Европой, и он исходит из убеждения в решающей роли разума и науки в познании «естественного порядка вещей», соответствующего природе человека и общества. Однако актуальность вопроса при этом не исчезла, авторитарные и диктаторские режимы продолжают существовать. И если их транзит к демократии все же возможен, то на что важно обращать внимание? На его форму или содержание, на теорию или практику? Не забывая, что транзитом историки называют и время перехода от Античности к Средним векам, от Средних веков к Новому времени и т.д. Переходное время по определению лишено однозначности, поэтому вернемся к греческому слову *κρίνειν*.

Известно, что противопоставление объекта и субъекта — один из способов познания природы. А что касается общества, то здесь субъектом и одновременно объектом является человек, даже когда он познает сам себя, что предполагает иную, чем в естественных науках, систему определений и теоретических посылок для исследования и понимания отношений между

людьми. Например, в сфере права или медицины отношения возникают в связи с объектом, но участвуют в них только субъекты, принимающие решения. И значит, у познаваемой в этом случае реальности (о человеке и его мире — социальном, культурно-историческом, психологическом) здесь тоже есть свой язык, но эта реальность в отличие от природы не дана познанию вне его. Ее нельзя наблюдать отдельно от ее же языка, включая язык математики. А раз так, то нас заведомо не может не интересовать характер источников и происхождения наших знаний.

Встает вопрос: как мы узнаём, откуда получаем нашу эмпирию? Стихийно, когда, не задумываясь, говорим: «в моей голове родилась мысль», «мозг мыслит». И тем самым воспроизводим, по словам В.П. Зинченко и М.К. Мармардашвили, «мифологию субъективности, которая может быть и научной, ибо в роли „теорий“ психики, представлений о том, как возникают мысли, душевные состояния и переживания, мы, исследователи, можем *post festum* обнаруживать и самые что ни на есть научные продукты мысли...

Субъективная психическая реальность может переживаться и выражаться в терминах любой заимствованной механистической теории, теории „мыслящих машин“ или, того хуже, „гибридного интеллекта“, вообще любого представления о человеке-машине. В этом случае в наблюдении мы будем получать сведения о том, что „мозг мыслит“, о том, что его „батареи разряжены“ или что „его нужно подключить к источнику питания“»*.

---

* Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. М., 1976. № 7. С. 112.

Какие из этого можно сделать выводы? Во-первых, стремление к объективности понимания субъективной психической реальности порождает разные формы ее редукции. Любой психический процесс — *восприятие, мышление, память*, — существуя во времени, не существует в пространстве.

Отсюда и возникает, по словам авторов статьи, идея поместить психическое в пространство мозга, как прежде помещали его в пространство сердца, печени, души (вспомним о декартовском противопоставлении души и тела и поиске места их соединения). Ведь обыденному сознанию, которое «мыслит картинками», легче приписать нейрональным механизмам мозга свойства предметности, чем признать реальность субъективно-психического.

Во-вторых, об эмпирии: откуда и как ее получаем? Получаем необратимым образом в том смысле, что частица «со», как я говорил об этом раньше, в слове «сознание» указывает на рацию — «измерение» невидимого, на факт вербализованного человеком знания в состоянии впечатления, в котором оно получено. И получено необратимо. Природа, ставя перед нами препятствие необратимости, тем самым как бы подсказывает: вот это и есть ваша объективная самодействующая в виде озарения реальность, которую нужно отличать от языка, каким она выражена. Поэтому не стоит забывать, когда речь идет о гуманитарных науках, об этом различии внутри самой субъективности, а не между ею и чем-то другим, находящимся вне ее.

В-третьих, субъективное «суждение», следовательно, как раз и включает в себя это различие в ситуа-

ции кризиса как «объекта». Когда свободная, не умершая в букве мысль, из-за необратимости времени не исчезает, а становится историческим навигатором, определяющим движение европейской цивилизации во времени и пространстве, как событие, достойное удивления.

Мы живем на планете Земля, и наша жизнь немислима без понятий пространства и времени. Природу мы познаем благодаря априорным формам чувственности (пространства и времени) и категориям рассудка, а общество — благодаря апостериорным ценностям свободы и вечной жизни. Психическое, как было сказано, существуя во времени, не существует в пространстве, потому что впечатление необратимо и не поддается исследованию в виде внешнего объекта. Однако временную его протяженность, обладающую предметно-смысловой реальностью, по-своему исследует, например, искусство, которое умеет не только «остановить мгновение», но и показать в нем настоящее, прошлое и будущее.

Приведу пример. Все мы знаем или слышали о том, какое значение придавал светотени голландский художник ван Рейн Рембрандт (1606–1669), когда писал портреты, в том числе групповые. Светотень выступает в них как средство раскрытия психологического внутреннего мира изображаемых людей. И такой же талант владения светотенью мы видим у итальянского художника Караваджо (1571–1610). Поэтому историки искусства не случайно называют его основоположником реалистического направления в европейской живописи XVII века, в которое он внес, по их сло-

вам, повышенное чувство эмоционального напряжения, выраженное через контрасты света и тени.

На этот пример я решил сослаться после посещения в апреле 2019 года Национального музея Швеции в Стокгольме. Рассматривая на шестом его этаже картины известных и неизвестных мне художников, я невольно обратил внимание на то, как они были развешены, когда подошел к одной из них и подумал, что именно человеческий разум в отличие от рассудка осуществляет систематизацию уже познанного. То есть неожиданно понял, что такое реализм и его связь с кризисом, так как воочию увидел, что именно пристальное внимание художников к «светотени» в течение более чем двух веков позволяло добиваться реалистического, «объективного» отражения действительности средствами живописи. А когда подошел к картине «Семья буржуа Натансона», написанной в 40-е годы XIX века, а потом к фотографии этой же семьи, сделанной чуть позже, чуть не произнес вслух: вот что значит естественный свет и искусство художника и фототехнология, подобная изобретению электричества!

Несмотря на наступивший естественный кризис в живописи после появления фотографии, традиционное искусство изображения предметов и явлений реального мира с помощью красок, конечно же, не исчезло! Как не исчезли и трансцендентальные идеи разума и свобода.

Я имею в виду зародившееся во Франции практически параллельно с изобретением фотографии новое направление в живописи: импрессионизм. Это название возникло после выставки 1874 года в Париже, на которой экспонировалась картина Клода Моне «Впе-

чатление. Восходящее солнце». И в этой же связи хочу обратить внимание на другого участника парижских выставок (1874, 1877), Поля Сезанна, который присоединился к импрессионистам, но не разделял их целей и не интересовался изменчивостью цвета в атмосфере и световоздушной средой, считая себя постимпрессионистом.

«Живопись здесь, внутри», — сказал Сезанн как-то собеседнику, ударяя себя по лбу. В основном он писал, как известно, пейзажи на вольном воздухе, но его интересовало при этом не впечатление от игры света, а материальная предметность природы. Поздние его пейзажи, по словам специалистов, передающие форму и пространство с помощью устойчивых *цветовых* сочетаний, одновременно объемные и плоскостные, фактически предвосхитили кубистские опыты Жоржа Брака и Пикассо начала XX века. То есть появление кубизма, модернистского течения в живописи, которое демонстрировало уже полный разрыв с реалистическим изображением природы, преобладавшим в изобразительном искусстве со времен Ренессанса.

И процитирую еще одного известного представителя художественного авангарда XX века, Марка Шагала: «Наш внутренний мир реален, быть может, даже более реален, чем мир, окружающий нас». «Я хотел отойти от <...> простого пересказа видимого. Я хотел строить свои работы при помощи духовных, психических элементов, воплощенных в краску».

Так завязываются взаимно дополняющие друг друга узлы развития искусства, в частности, в живописи, создающие впечатление ее кризиса и одновременно успешного транзита, демонстрирующего богатство художе-

ственных талантов и стилевых направлений. И то же самое мы видим и слышим в истории других видов искусства: в музыке, архитектуре, литературе, театре, кино и т.д.

А на самом деле? Как восприняло большинство современников первую выставку импрессионистов? Разумеется, как воспринимают люди любое общественное событие — объективно. Либо обращая на него внимание, потому что интересно, либо не обращая. И как всегда в таких случаях появляются критики, начинающие событие обсуждать. И эта их готовность обсуждать, поскольку критика — это суждение «за» или «против», как раз и свидетельствует о кризисе как объекте, который не исчезает. Но при этом становится известно и «субъективное» мнение художника о своем творчестве, например Сезанна, который сказал, что он старался в отличие от импрессионистов повторить путь Пуссена на природе и превратить импрессионизм «во что-то основательное и вечное, подобно музейному искусству»; «важно дать образ того, что мы видим, забывая все, что существует перед нами».

Никола Пуссен (1594–1665), французский художник, один из основателей живописи классицизма. Важным средством самовыражения для него был пейзаж. Он одним из первых оценил значение локального цвета и теоретически обосновал превосходство линии над цветом. А Рембрандт, который жил в эти же годы, особое значение придавал светотени и свету как средству раскрытия внутреннего мира человеческой личности.

Но все это примеры из истории изобразительного искусства. А как люди сегодня, в частности в России, воспринимают и относятся к тому, что им предлагает

телевидение или они видят и читают в Интернете? Судя по социологическим опросам, их явно волнует уровень и качество жизни, но это не повышает уровень их гражданского самосознания.

«Человек не может быть доволен жизнью, если он не доволен собой», — сказал когда-то Марк Твен. Действительно, если человек не доволен собой, то он не доволен и жизнью, так как нередко знает, что причина недовольства он сам: не занял призовое место, проиграл выборы, не проявил должную инициативу, не хватило времени... Такой человек старается быть на виду. Для него жизнь и жизненный успех тождественны. Но есть при этом и недовольные не только собой, но и другими, и недовольные всем. И их большинство. Однако не все потеряно.

Говорят, понять можно все, что угодно. Но можно ли понять, например, чувство мести? Не знать и не объяснить, а именно понять, если человек его не переживал? А если переживал, можно ли преодолеть, избавиться от него, как и от чувства страха, зависти, обиды?..

Философ на это скажет: понимание в отличие от объяснения, происходит вне логики, до всякого предварительного анализа или интерпретации, как метафизическая невозможность. И поэтому добро вызывает удивление, а зло объяснимо.

Сошлюсь на статью Марии Божович «Тюремщица»*, посвященную Анне Каретниковой, ведущему аналитику Управления федеральной службы исполнения наказаний (УФСИН) России по городу Москве;

---

* *Божович М.* Тюремщица // Pravmir.ru. 13 июня 2019.

большую часть жизни она проводит в тюрьме, добиваясь соблюдения прав заключенных.

«— Но ведь ты тоже часть тюремного мира, — говорит ей автор статьи. — Была правозащитницей, а теперь ходишь в нашивках УИС (уголовно-исполнительная система). Ты — тюремщица. Не противно?»

— Не всем же быть Корчаками, должны быть и Шиндлеры. — Аня отвечает быстро и без запинки, ясно, что не в первый раз.

Речь заходит о депутатстве Нюты Федермессер (они с Каретниковой недавно вместе осуществили целую спецоперацию: перевод заключенной Екатерины Гавриловой в терминальной стадии рака из тюрьмы в хоспис, где она и умерла).

— Каждый для себя определяет степень компромисса, на который можно пойти ради того, чтобы продолжать делать свое дело. Но если ты решился на компромисс с системой, то она будет от тебя постепенно откусывать по кусочку. Не знаю, что я бы сделала на месте Нюты. Наверное, плюнула бы на работу и отказалась идти в депутаты. А впрочем, не знаю. Не спрашивай.

Нет, я не могу не спрашивать. Мне интересно. Аня Каретникова — ох, какой же она была нонконформисткой в юности! Какие бунтарские песни сочиняла и пела под гитару! («Не ходите к царю с иконами, ни с портретами, ни с плакатами, а ходите вооруженными пистолетами и автоматами».)

— Ты не думаешь, что нужно не помогать репрессивному режиму, а его менять?

— Ой, не провоцируй, революционеркой я уже была. Это тупик. Маятник все равно качнется в другую сторону.

— А сотрудничать с государством — не тупик?

— Оно от меня ничего плохого не хочет. Наоборот, позволяет помогать.

— Но все равно же обманет.

— Если ждать, что будет добрым и гуманным, то обманет. А в том, что касается конкретных кейсов, почти не обманывает. Добрыми бывают только люди. Хорошо бы в государстве их было побольше».

Успех современного глобального транзита зависит во многом от понимания его участниками в международных межправительственных и неправительственных организациях смысла своей деятельности, который не является предметом, находимым в мире. Это «мерцающий предмет» — доброты, доверия, равенства, согласия, справедливости; то есть не какая-то отвлеченная категория, а живое со-бытие, свидетельствующее о человечности межчеловеческих отношений.

В своей книге «Реальность и человек» Семен Франк писал: «Христианство есть религия не поклонения Богу в его противоположности человеку <...> Христианство есть религия человечности»* Только эмпатия и любовь с ее непосредственным усмотрением в другом человеке его «богоподобия» ведут к постижению скрытого духовного единства человечества.

Так рассуждал Франк, полагая вслед за Августином, что мы «познаем в той мере, в какой любим», и веря, что идеал любви предстает перед нами в виде некоего абсолюта — добровольного однажды и навсегда искупления Христом человеческих грехов. И мы должны

---

* Франк С.Л. Реальность и человек. Париж, 1956. С. 233.

не повторять путь Его крестной муки, а понять этот путь.

Об этом говорилось после Колымы и Освенцима и Второй мировой войны, когда была создана Организация Объединенных Наций для поддержания и укрепления международного мира и безопасности и развития сотрудничества между государствами.

«Сила — ума могила», гласит русская пословица. Очевидно потому, что в России сила государственного насилия превосходит любую силу, не оставляя места уму. Но речь не только о России или Германии. Понятия *силы, морали и справедливости* считаются базовыми в системе международных отношений. И о них тоже можно сказать, что они нераздельны и не слиты подобно трем ипостасям христианского символа веры. А иначе само по себе одно понятие без смысловой связи с другими может легко использоваться для оправдания насилия. После создания ООН об этом старались не забывать. Однако неизбежная энтропия памяти и нарастание беспорядка в мире при отсутствии понимания (снова это слово!), что такое не слитность и нераздельность или, другими словами, свобода и независимость, прямо подводят нас к ответу на вопрос, почему так важно и необходимо сегодня гражданское просвещение.

Да, мы знаем и видим, насколько слабы в России и других странах гражданское общество, правовая культура и демократические институты. Но именно эта камертонная нота очень важна для наших занятий в Школе. Миссия Школы — в трансляции международным экспертным сообществом современного знания и понимания глобальных проблем для всех, кто готов обсуждать эти проблемы публично и включиться в

процесс поиска их решения не только на глобальном уровне. Мы открыты на наших семинарах к встречам с экспертами и сотрудниками международных организаций, нобелевскими лауреатами, общественными деятелями.

Современное объединение людей благодаря развивающимся технологиям в масштабах ранее невиданных в истории человечества не означает, что цель глобализации достигнута. Более того, мир незавершенной глобальности в наши дни даже опаснее, чем во время холодной войны, принимая во внимание, помимо существующих угроз, отказ государств от международных обязательств и норм международного права. Например, об изменении границ государства без его согласия или решения Совета Безопасности ООН. Можно ли в этих условиях полагаться только на научное мировоззрение?

Кантовская критика чистого разума показывает, что средства научного познания недостаточны для того, чтобы воспроизвести в необходимой для всех форме картину мира. Несмотря на все свои достижения, наука не в состоянии дать нам мировоззрение, отвечающее современным потребностям. «Мир, в котором будут жить наши дети и внуки, начинается сегодня», — говорится в докладе Международного дискуссионного клуба «Валдай» (октябрь 2018). Называется доклад «Жизнь в осыпающемся мире». И осыпается, обесценивается в нем, по словам авторов, «нематериальная составляющая международных отношений». А именно — такие понятия, как сила, мораль, справедливость, потому что проблемы стали глобальными, а ответы на них остаются

ся национальными. И в этом новом мире утвердить даже претензию на общее для всех понимание невозможно. Этичность, утверждают авторы доклада, перестает быть критерием политического решения. Поэтому под угрозой международные институты — вершина политической истории человечества, покоренная в XX веке. Прежде всего это относится к Организации Объединенных Наций как универсальной площадке принятия важнейших решений.

Какое отношение это имеет к мировоззрению? Самое непосредственное. Прочитую вводную часть Устава ООН, который был подписан 26 июня 1945 года в г. Сан-Франциско на заключительном заседании Конференции ООН и вступил в силу 24 октября того же года:

«Мы, народы объединенных наций, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций и создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права, и содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе, и в этих целях проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи, и объединить наши силы для поддержания международного мира и безопасности, и обеспечить принятием принципов и установлением методов, чтобы вооруженные силы применялись

не иначе, как в общих интересах, и использовать международный аппарат для содействия экономическому и социальному прогрессу всех народов, решили объединить наши усилия для достижения этих целей».

За прошедшие десятилетия после создания ООН и провозглашения ее уставных целей появились тысячи как межправительственных (межгосударственных), так и неправительственных (гражданских) международных организаций. При этом последние начали появляться еще в первой половине XIX века. Всего к 1905 году в мире насчитывалось 134 международных неправительственных организации, в 1958 году — около 1000, а к концу 1980-х их было уже более 4000. Назову самые известные: Римский клуб (аналитический центр), Экуменический совет церквей, Пагоушское движение ученых, Международная амнистия (Amnesty International). Неправительственные организации стремятся не к власти, а к оказанию влияния на общественное мнение. И основной катализатор их появления — Организация Объединенных Наций.

Вспомним в этой связи известное изречение «Центр нигде, периферия везде» и, отвлекаясь от истории его происхождения, зададим вопрос: почему ООН утратила эффективность управления? Потому что отсутствует центр? Люди забыли о «бедствиях войны» и «центр должен быть везде, а периферия нигде»? Подобно существовавшему принципу демократического централизма — организации государственного устройства в СССР.

Какой смысл в приведенной метафоре? Что у такой организации, как ООН, вообще не должно быть центра? «Большое число развивающихся стран с переходной

экономикой — цитата из доклада 1999 года о «Программе развития ООН» — взяли курс на осуществление той или иной формы децентрализованных программ. Эта тенденция связана с растущим интересом к роли гражданского общества и частного сектора как партнеров для правительств, находящихся в поиске новых путей обслуживания граждан. Децентрализация руководства и укрепление локальных и местных способностей к руководству, это также часть более широких современных социальных тенденций»*.

По сути, речь в цитируемом докладе идет о европейской идее субсидиарности, тождественной идее децентрализации. Однако доверие к политическому принципу субсидиарного руководства делами Евросоюза, введенного Маастрихтским договором 1992 года, в последние годы явно упало. Все мы знаем и видим, что можно успешно заимствовать практически любые технологии. А как заимствовать и адаптировать социальные условия и современную интеллектуальную инфраструктуру их существования? То есть субсидиарную модель демократии.

По словам европейских экспертов, принцип субсидиарности не является двигателем процессов интеграции

---

* Программа развития ООН — глобальная сеть по оказанию безвозмездной и неполитизированной помощи государствам — членам ООН в области развития; работает в 177 странах и территориях и осуществляет свою деятельность в трех основных областях: (1) устойчивое развитие, (2) демократическое правление и миростроительство, (3) климат и устойчивость к стихийным бедствиям. Программа также способствует эффективному привлечению и использованию помощи в целях развития.

или дезинтеграции. Скорее это только инструмент, который может быть использован для достижения обеих целей. Но его роль в будущей Европе во многом зависит от уровня интеграции (лат. *integratio* — восстановление, восполнение). То есть от характера объединения, так как интеграция может осуществляться только на основе взаимной выгоды, сходства социально-экономического строя, ценностей, а также гражданского образования и просвещения.

Выстраиваемая Евросоюзом современная стратегия преодоления кризиса опирается в том числе и на разработанную экспертами Совета Европы программу гражданского образования и просвещения, которая включает наряду с рекомендациями и соответствующими пособиями о демократической гражданственности модель компетенций для культуры демократии и преподавание спорных вопросов.

В своем блоге на платформе «Живого журнала» историк Сергей Цветков, рассуждая о фразе Паскаля «Природа — это бесконечная сфера, центр которой везде, а окружность нигде», замечает: «В подлиннике рукописи видно, что Паскаль начал писать слово *effroyable* («пугающая») <...> но затем, справившись с собой, все-таки изменил эпитет на „бесконечная“». И далее: «Возможно, нет лучшего способа определить, какого мировоззрения придерживается человек, чем прислушаться к тому, с какой интонацией он прочитает вслух эту фразу»*. Прислушаемся и мы, учитывая, что наука стремится избавиться в поисках решения поставленной

---

* sergeytsvetkov.livejournal.com/377093.html.

задачи от «я» и описать мир таким, каков он есть, независимо от нашего восприятия.

Замена в приведенном примере слова «пугающая» словом «бесконечная» — понятна. Как математик, физик и философ, Паскаль был, несомненно, сторонником скорее философского мировоззрения, о котором можно сказать сегодня, что в нем символически объединяются *научно-теоретический* и *духовно-практический* способы человеческой жизнедеятельности. То есть философия является для мировоззрения своего рода теоретической основой подобно математике для физики.

Я привел этот пример, чтобы вернуться к метафоре центра. В XX веке Пьер Тейяр де Шарден и Владимир Вернадский назвали ноосферой особое состояние биосферы, поскольку ключевая роль в ней принадлежит человеческому разуму, который с помощью Интернета, сказал я в начале книги, фактически завершает создание искусственной, «второй природы». А теперь добавлю: эта ноосфера тоже может казаться пугающей, если забыть о кантовском методе трансцендентальной философии.

В отличие от внеопытной трансцендентности, трансцендентальность, согласно Канту, имеет прямое отношение к познанию и к условиям нашего опыта. Трансцендентальное — это призма, посредством которой мы смотрим на мир, говорил Бертран Рассел. Оно имманентно человеческому сознанию и находится у нас «в головах», не подлежит наблюдению. Например, такие трансценденции, как «пространство» и «время», характеризующие не столько окружающий мир, сколько нашу способность его воспринимать. А затем с

помощью рассудка познавать благодаря тому, что они легко, подобно конвертируемой валюте, преобразуются в конкретные числа, символы и т.д., помогающие его измерять, изучать, понимать. И то же самое можно сказать о восприятии центра.

Был ли когда-либо и где-нибудь центр, вокруг которого можно было бы собрать живущих на планете Земля людей и этим управлять? Увы, нет, потому что такого центра не может быть по определению. Независимо от того, что понимается под управлением: контроль, менеджмент или администрирование. Однако в условиях войны или серьезного кризиса, подобно коронавирусной пандемии, речь о Центре (с большой буквы) как некоем символе может идти. И тогда этот центр перемещается туда, где совершается то, что можно называть по-разному. В одном случае — поиском модели мира и безопасности, начиная с Вестфальского соглашения 1648 года после Тридцатилетней войны и кончая Ялтинско-Потсдамской системой международных отношений, сложившейся по итогам Второй мировой войны. Или — уже упоминавшимися «историческими вехами *Axenzeit*». А можно назвать такой центр самоподдержанием разума. Потому что это не решаемая раз и навсегда задача, а философская проблема.

Сознание человеческое живет в напряженном поле, очерченном, как уже говорилось об этом, предельными границами смыслов, и ясность в нем возможна только тогда, когда мы владеем языком этих смыслов, то есть понимаем их отвлеченность.

В эпоху «осевого времени» завершается процесс эволюции *Homo sapiens* и начинается история борьбы

человека с инстинктами, в обозримом горизонте которой философия в истории человечества становится формой мировоззрения. В философском мировоззрении сходятся смыслы и преодолеваются любые тупики. Если не забывать, что мир, с которым имеет дело философ, это не мир сам по себе, а общественная среда жизни, в которую он стремится, раздвигая рамки профессий, внести большую разумность благодаря языку гражданского просвещения.

Куда движется Россия

Западная цивилизация не только фактом своего возникновения, но своим последующим самосохранением обязана некоему феномену, который точнее всего может быть определен как расширенный порядок человеческого сотрудничества.

Фридрих фон Хайек

После распада Советского Союза Россия вступила на путь капиталистического развития и вхождения в мировую экономику. Но вопрос об устойчивости этого развития остается открытым, учитывая природу происхождения российской буржуазии.

Смысл капитализма. Известно, что у первых капиталистов, в отличие от авторов знаменитого «Манифеста коммунистической партии», не было заранее разработанного плана преобразования общества, как и далеко идущих целей, кроме получения прибыли. Капитализм возник в Европе в XVI веке и утвердился в процессе первоначального накопления капитала, использования наемного труда, развития промышленности и торговли, освоения механизмов рыночной конкуренции, чему способствовали научные открытия и технические изобретения. Затем в конце XVIII столетия появилось машинное производство, а в конце XIX — начале XX века возникают крупная промышленность и банковские корпорации, складывается устойчивая социальная структура, в которой наряду с крупными собственниками значительное место начинает занимать средний класс.

Другая составляющая капиталистического развития — появление свободной прессы, различного рода ассоциаций и союзов, института выборов, отлаженного механизма разделения властей и с середины XIX века — оппозиционных партий.

Так, вступив на путь промышленного и социального развития, в условиях войн и глубоких противоречий, Европа стала двигаться к высвобождению общественных сил и талантов, благодаря которым утверждался и постепенно вызревал новый тип общества. Этот рождавшийся «расширенный порядок человеческого сотрудничества», как назвал его в свое время лауреат Нобелевской премии Фридрих Хайек, часто обвиняли в бесчеловечности, анархии и непризнании общих целей. Однако истинная история капитализма и его заслуга заключается в том, подчеркивал австрийский экономист, что он делает людей свободными, и такие люди заведомо хотят жить лучше и способны договариваться.

О коммунизме и «христианском социализме». Последователи Маркса в России свято верили в научный коммунизм и критиковали социалистов-утопистов за то, что, не понимая «исторической роли классовой борьбы», они стремились построить гуманное общество исходя из отвлеченных принципов разума, справедливости и свободы. Но если внимательнее посмотреть на историю социалистического движения и на европейскую интеллектуальную традицию в целом, то можно убедиться, что эти «отвлеченные принципы», провозглашавшиеся Анри Сен-Симоном, Робертом Оуэном, Шарлем Фурье и другими, как раз и придали капитализму моральное измерение.

Свобода — продукт цивилизации и растет вместе со степенью моральности в человеческих делах, говорил Кант.

Именно моральная составляющая, включая идею справедливости, определяла в странах капитализма утверждение и расширение порядка человеческого сотрудничества. Или, другими словами, становление современной социально ориентированной рыночной экономики и парламентской демократии.

Справедливость имеет смысл лишь в качестве нормы человеческого поведения, а не распределительной функции и достижения экономического равенства, заявили в 40-е годы XIX века практически одновременно в Англии и Франции сторонники «христианского социализма», осуждая социальные последствия безжалостной конкуренции в бизнесе и неограниченный индивидуализм.

Сошлюсь в этой связи на сочинения французского философа Пьера Леру, последователя Сен-Симона, который настаивал на религиозных истоках социализма (одна из его книг, изданная во время французской революции 1848 года, называлась «Христианство и его демократическая природа»). Критикуя католическую церковь, Леру видел свою задачу вслед за Сен-Симоном в разработке науки о «порядке и организации» общества, цель которого — моральное изменение.

Надо сказать, что после отмены крепостного права сходная тенденция в развитии общественной мысли наблюдалась и в России, в частности в исканиях Достоевского. А в начале XX века идеи «христианского социализма» нашли отклик у С.Н. Булгакова, впоследствии известного русского богослова, расставшегося в

то время с марксизмом. Он пытался даже создать в 1905 году христианско-социалистическую партию «Союз христианской политики», сплотившую на некоторое время небольшой круг единомышленников, в число которых входил Н.А. Бердяев. Однако действительного «союза» не получилось. Спустя 12 лет, в 1917 году, Булгаков опубликовал брошюру «Социализм и христианство», а в конце жизни, находясь в эмиграции, размышляя над проблемой отношения православия к социализму, писал: «Это вопрос не догматики, а социальной этики <...> Реформа социального строя, как и мера осуществимости социального идеала, есть вопрос не только принципа, но и практической целесообразности <...> Русский коммунизм показал с достаточной очевидностью, каким безмерным бедствием он является, будучи осуществляем как жесточайшее насилие с попранием всех личных прав. Однако возможен иной, так сказать, свободный, или демократический, социализм, и, думается нам, его не миновать истории».

При этом Булгаков имел в виду, конечно, не только историю России. После Второй мировой войны наряду с социал-демократами именно христианские демократы стали альтернативой военным режимам предшествующих десятилетий, и их идеи легли в основу возрождения Европы. Напомню имена известных политических деятелей того времени — Аденауэр, Бидо, де Гаспери, Шуман — первых архитекторов будущего Европейского союза.

Российский капитализм. Западной цивилизации угрожали в XX веке две основные опасности: фашизм и советский коммунизм, и обе они были преодолены

благодаря сохранявшимся и работавшим институтам демократии.

Именно рынок и качественные общественные институты, их сочетание обеспечивали в странах Запада повышение уровня жизни сотен миллионов людей, смягчение социальных противоречий и выработку правового механизма их разрешения на основе следования «отвлеченному принципу» справедливости. Куда же движется российский капитализм?

Французы говорят, что есть три рода ума: животный, человеческий и военный. Какой ум определяет в настоящее время вектор российского общественно-политического развития? Обратимся к исследованию «Самые влиятельные политики России», проведенному в нулевые годы Информационной группой журнала «Эксперт», Институтом общественного проектирования и Институтом ситуационного анализа и новых технологий, в ходе которого было опрошено свыше 600 аналитиков в 32 российских регионах.

Его авторы пришли к таким выводам: в стране сформировалась вертикаль власти, при этом силовики уже в то время пользовались явно большим влиянием, чем принято в традиционных демократиях, но наряду с ними были и другие серьезные центры влияния: умеренные либералы и крепнущие структуры «Единой России», что тоже указывало на вполне определенный тренд; тогда как СМИ, судебная система и бизнес практически не пользовались влиянием.

Разумеется, писал известный журналист Александр Привалов, комментируя эти выводы в еженедельнике «Эксперт» (в котором были опубликованы результаты исследования), большие денежные потоки не могут не

влиять на власть. И если опрошенные эксперты такого влияния у бизнеса не отмечают, значит, как и в случае с судом, его влияние принадлежит другим субъектам. Каким? «Очевидно, тем, — подчеркивал он, — кто на деле, а не по хлипкому праву титульного собственника распоряжается финансовыми активами. Таким образом, влияние малого бизнеса эксперты справедливо отписывают местным властям и МВД, влияние среднего и крупного — немного губернатору, а большей частью — опять-таки чекистам» («Эксперт», 2007, № 12).

Другими словами, первыми «строителями» современного российского капитализма были «люди в погонах», в основном выходцы из спецслужб, для которых Россия — страна крупных корпораций, а государственная служба — один из самых доходных бизнесов. Именно они определяют стратегию общественно-политического развития страны, поскольку уверены, очевидно из накопленного «опыта» работы за рубежом в эпоху классового противостояния капитализма и социализма, что они лучше знают, что такое капитализм. И инерцию этого агрессивного опыта и родовой памяти института привносят в область публичной политики.

«Санитары» капитализма. Человеческие достоинства и пороки присущи любому обществу, людям любой национальности и любой страны. Но их соотношение в какой-то момент становится решающим с точки зрения эффективности развития государственных и общественных институтов.

Способен ли сегодняшний российский капитализм обрести иную, нежели агрессивно-бюрократическая,

устойчивость, необходимую для вхождения страны в мировую экономику?

В эпоху глобализации у каждого из трех субъектов западного общественно-политического процесса — политического сообщества, бизнес-сообщества и гражданского общества — своя траектория движения и своя цель. Цель политики — поддержание общественного блага, цель бизнеса — достижение прибыльности, цель гражданского общества — защита прав и свобод человека. В России, вступившей на путь буржуазного (городского) развития, сросшиеся еще до момента своего рождения наши «близнецы-братья» — власть и бизнес — фактически парализовали нормальное участие населения в общественных делах. И «рассечь», разделить этих «близнецов» — задача не из легких, учитывая, что общественные институты, профсоюзы и церковь, утратили свой авторитет еще при советской власти, а правозащитное движение продолжает восприниматься и политическим, и бизнес-государственным сообществом как враг современного развития.

Между тем гражданское общество может стать влиятельной силой модернизации страны, если видеть в нем не средоточие неразрешимых проблем, а ресурс для мобилизации сил, способных эти проблемы понимать и находить их решение.

Идея гражданского общества и гражданского просвещения, разумеется, медленно, но проникает в сознание россиян, являясь своеобразным ответом на этатизм тех, кто отдает приоритет государству, и экономический радикализм тех, кто считает, что решить наши сегодняшние проблемы можно только с помощью рынка. Это и есть путь достижения баланса между госу-

дарством, бизнесом и обществом в условиях, когда доминируют государственные и экономические принципы управления общественными процессами. А значит, и у гражданских, общественных организаций, наряду с мелким и средним бизнесом берущих на себя в этих условиях роль «санитаров» капитализма, должна быть тоже своя политика.

Обычно под политикой в России понимают борьбу за власть и ее удержание. Однако может существовать (и в демократических странах она существует) публичная, общественная политика, то есть заинтересованное взаимодействие и сотрудничество власти и общества для решения конкретных проблем, связанных с реализацией прав и свобод граждан. Так что нашим властным структурам и бюрократии придется начать диалог с «санитарами», даже если их мотивацией пока является удержание своего статуса.

Свобода и независимость. Капитализм как система ясно показывает, что существует определенная корреляция между понятиями свободы и гражданского общества, с одной стороны, и между понятиями независимости и государства — с другой. С осознания этой связи, собственно, и началось в XVII веке движение европейских интеллектуалов за свободу прессы, независимый суд, разделение властей и т.д., поскольку был поставлен вопрос: как должна быть организована и выстроена власть, чтобы гарантировать сохранение свободы? И тогда же был дан первый ответ на него. В своем втором трактате «О правлении» (1690) Джон Локк сформулировал принципы социально-политического устройства нового, буржуазного общества,

открыв тем самым для европейцев горизонт понимания не только возможного, но и реального взаимодействия государства и общества. Реального в том смысле, что субъекты такого взаимодействия действительно понимают: оно возможно лишь на основе признания прав и свобод, реализуемых с помощью независимых институтов. А свобода при этом растет вместе со степенью моральности в общественных делах. И следовательно, приближение к идеалу свободы как моральному принципу зависит от общества.

А независимость?

По этому поводу можно сказать, что независимость нуждается не в морали, а в Законе, на страже которого стоит государство, поскольку свобода по формальным основаниям ему не нужна. Свобода, а точнее, право на свободу необходимо гражданам, обществу. И поэтому государство в силу самосохранения обязано брать на себя (и правовое государство берет) функцию обеспечения работы независимых гражданских институтов, определенных сфер экономики и т.д.

Известно, что все в жизни взаимосвязано. Но эта взаимосвязь, в том числе и между свободой и независимостью, не всегда различима, так как чаще всего мы о ней не думаем. А если начинаем думать, то склоняемся скорее к тому, что готовы поверить в силу сложившейся традиции только в независимость государства.

Между тем, поскольку политическая власть основана на силе, а этика — на свободе, не стоит забывать, что хотя общество стремится к свободе, а государство в международных делах — к независимости, это не значит, что оно может быть успешным, лишая независимости существующие в стране институты.

Буржуазно-демократическое развитие России продолжается, и российскому капитализму еще предстоит доказать свою эффективность и устойчивость, чтобы стать равноправным партнером других стран в современном глобализирующемся мире.

Шанс у России есть. Не секрет, что человек, попадая в исполнительную власть, становясь чиновником, через некоторое время превращается в неотъемлемую часть бюрократического и патриотического механизма (от лат. *patria* — отечество, родина; *patrimonium* — наследственное имение, владение) и его главным защитником.

Что необходимо сделать, чтобы представители власти воспринимали себя не как государство в государстве, не как отдельную «привилегированную касту»?

Об этом важно и нужно постоянно говорить публично. Это необходимое и главное условие рождения общественной морали и освобождения от той абсурдности, что, подобно паутине, обволакивает наш быт, судебную систему, экономику, политику.

Наша гражданская задача сегодня — не участвовать в создании искусственного интеллекта, искусственной головы, а помочь думать живой голове.

Почему так важен при этом акцент на понятии гражданского общества?

Во-первых, понятие «государство» неоднозначно. Для экспертного сообщества это организация политической власти, а для народа — страна. Поэтому напомним, что еще в начале XX века в России существовало либеральное представление о государстве, сторонники которого утверждали (я имею в виду кадетов), что государство — это не «Господа дар», а народ, живущий на определен-

ной территории, объединенный той или иной степенью солидарности и обладающий организованной властью. То есть имеющий возможность благодаря демократическим честным процедурам избирать своих представителей в органы власти и контролировать их. Возродить эту традицию понимания государства именно как правового, разумеется, не просто, прежде всего потому, что большинство населения продолжает верить, как при советской власти, что «право — это возведенная в закон воля господствующего класса». Однако право не сводится к законности. «Основным врагом права является его ближайший сподвижник, ближайший родственник и глашатай — закон», а «абсолютным антиподом всевластия — права человека», — часто повторял известный российский юрист С.С. Алексеев.

Во-вторых, нужно иметь в виду, что с появлением гражданского общества — и это не менее важно — преодолеваются границы любой этнической (как и социальной) общности — в силу утверждения принципа равенства всех граждан перед законом и раскрытия потенциала личностного начала в человеке. Именно действие и проявление в культуре личностных начал человека, независимо от его этнической принадлежности, способствует формированию качеств национального характера.

И в-третьих, необходимо обращать внимание на то, каким образом народ на определенном этапе своего развития становится гражданским обществом, создавая общественные организации для защиты прав и свобод личности. А затем — правовым государством, «забывая» о своем этническом происхождении и сознавая, что гражданское общество — это не общество вообще,

а определенное его состояние и качество, о которых свидетельствуют независимые институты, появляющиеся благодаря разделению властей, выборам и справедливой судебной системе.

Ясно, что эффективность современного государства проявляется прежде всего в его конкурентоспособности, в степени влияния на мировые события, участия в установлении глобальных «правил игры», привлекательности и т.д. Понимают это наши чиновники? На мой взгляд, если понимали бы, то относились по-другому к таким качествам, как профессионализм и эффективность, ценили бы их, соизмеряя экономическую свободу, ее самооценку с общественным благом.

Человек становится гражданином, когда осознает свои права и готов отстаивать их в публичном пространстве. Совершает поступок. В наш информационный век люди утратили доверие к поступку. Ведь доверять в условиях неопределенности намного труднее. Но значит ли это, что гражданам сегодняшней России нечего сказать? Акция за свободные выборы в Москве 3 августа 2019 года показала, что граждане умеют защищать свои права, не прибегая к насилию. Приведу несколько впечатлений об этом событии, появившихся в «Фейсбуке» 4 августа.

Сергей Медведев: «Тем, кто удивляется вчерашней (и недельной давности) показательной жестокости при задержании, избиваниям лежачих, сломанным рукам и ногам, хочу сказать следующее. Это не эксцессы исполнителей, а самая суть их работы — так же как и пытки в ОВД и колониях есть не издержки системы, а ее норма. ...Телесное насилие санкционировано властью и санкционирует власть... Это и есть состояние

абсолютного суверенитета, к которому Россия шла весь недолгий ХХI век»*.

Кирилл Рогов: «То, что происходит в Москве... — это случай своего рода полицейского террора в отдельно взятом городе. Мы, жители страны, пережившей один из самых экстремальных эпизодов массового террора в истории человечества, существуем с травмой слова. Если не расстреливают, то какой это террор? Это праздник, спасибо Сталину за это, жаловаться грех. Но интереснее и полезнее думать о терроре как о системе и институте.

Что такое террор? Прежде всего — это система „чрезвычайного права“. Периоды террора характеризуются резкой редукцией правовых норм: те, которые соблюдались еще вчера, вдруг перестают действовать. Перестают действовать даже те деспотические нормы, которые были раньше придуманы режимом для подавления оппозиции и инакомыслия. (В сталинские времена главным выражением „чрезвычайного права“ в период Большого террора были знаменитые „тройки“.)

Резкая редукция права — это, безусловно, то, что происходит в Москве в последнюю неделю. Вдруг установлен особый режим, в котором правовые нормы и обычаи правоприменения перестали работать. Немотивированные избиения, превентивные, без всяких оснований и объяснений, задержания, отбирание телефонов у задержанных, отпечатки пальцев, демонстративный недопуск адвокатов... Рутинное деспотическое законодательство отменено. Действует чрезвычайная логика устрашающего наказания.

---

* www.facebook.com/sergei.medvedev3/posts/10219944796358581.

Второе (или первое) основание террора — это миф, превращенный в „новое право“. В сталинском терроре это был миф о „шпионах-вредителях“. Предположение об их массовом скрытом существовании отменяло нормальный правовой режим и формировало легитимность чрезвычайного права. В нашем случае это миф о „массовых беспорядках“, миф о „майдане“. Если „майдан“, „массовые беспорядки“, то чего церемониться? Суверенитет в опасности!

Миф должен быть незаметно подsunут на место права... Это именно то, как устроен механизм террора»*.

Городская, цивилизованная демократия — хрупкая вещь. Это не только технические и материальные достижения людей и не то, что можно удержать насилем. Это постоянное духовное усилие и ответственность человека. Именно в этом трудность просвещения, поскольку в тот момент, когда человек пытается понять, что это такое, он еще не знает, что в результате может стать другим. Что у него могут появиться иные цели, иное представление о жизни, накладывающее бремя его лично понятой ответственности, которую невозможно переложить на другого, а тем более купить.

Шанс стать просвещенным гражданином есть у каждого, но как убедить этого каждого? Как всем разумно распорядиться? Как вернуть доверие населения к коррумпированным чиновникам, качественно реформировать систему школьного и высшего образования, повисить общую культуру тех, кто обязан разъяснять государственную политику и говорить от име-

---

* www.facebook.com/kirill.rogov.39/posts/3203137419703856.

ни общества? Эти и другие вопросы наверняка задают сегодня многие думающие люди. И если мы их задаем, значит, ситуация не безнадежна. Когда общество уже что-то знает, а тем более понимает, оно не вправе отказываться, и в условиях пандемии коронавируса, от исторического шанса на выбор пути, не забывая одновременно, что большинство российских респондентов, согласно опросам, понимает свободу вполне конкретно: у кого деньги и власть, у того и свобода. А те, у кого деньги и власть, под свободой понимают выбор. И тем самым мы сталкиваемся с очевидным противоречием, которое, с одной стороны, открывает дорогу к неограниченной власти денег, а с другой, в виде реакции на нее, неизбежно порождает в обществе ситуацию нестабильности.

Поэтому стоит обратиться к философскому определению свободы: «Свобода — это феномен, который имеет место там, где нет никакого выбора. А есть нечто, что в себе самом содержит необходимость. То есть является необходимостью самого себя» (М. Мамардашвили). Почему? Потому что выбор уводит нас в дурную бесконечность доводов и аргументов «за» и «против». И надо остановиться.

Вспомним еще раз о Канте и его трактате «К вечному миру», в котором он признается, что может «представить себе *морального политика*, то есть такого, который устанавливает принципы государственной мудрости, совмещающей с моралью, но не *политического моралиста*, который приспособливает мораль к потребностям государственного деятеля»*.

---

* Трактаты о вечном мире. С. 177.

Об оппозиции. Слово «оппозиция» (лат. *oppositio* — противопоставление) вошло в русскую культуру в конце XIX века после появления в Европе оппозиционных политических партий, становившихся все более влиятельной общественной силой. В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона (том XXII, 1897 год) читаем: «В современных конституционных государствах оппозиции отводится область, в пределах которой она может действовать свободно; ей предоставлено право свободной критики правительственных мероприятий в печати, в представительных собраниях, на народных митингах и т.д. Легализованная таким образом оппозиция приняла совершенно новые формы. Центром ее деятельности являются теперь, во-первых, парламенты, во-вторых — печать. Все члены парламента, противодействующие официальной политике, являются оппозицией в наичаще употребительном ныне смысле этого слова, а вся периодическая печать, более или менее враждебно критикующая деятельность правительства, называется оппозиционной печатью. По распространенному ныне в западноевропейских государствах убеждению *такого рода оппозиция, в общем, не только не вредна, но является необходимым условием мирного, здорового прогресса*». (Курс. мой. — Ю.С.)

И дальше, рассматривая историю формирования такой оппозиции во Франции, Германии, Англии и других странах, автор статьи отмечает, что только в Англии она стала необходимым институтом государственного права. «Там оппозиция призвана к постоянному участию в делах управления, в ходе которого правительство было бы поставлено в весьма неудобное поло-

жение, если бы на выборах в палату общин прошли исключительно его сторонники и оно осталось бы в палате без оппозиции. Поэтому в Англии говорят не только о „правительстве Ея Величества“, но с тем же основанием и об „оппозиции Ея Величества“». О России при этом автор даже не упоминает, и понятно почему.

Легальная оппозиция в нашей стране появится только через 10 лет после публикации статьи, в ходе буржуазно-демократической революции 1905–1907 годов. А до этого в условиях самодержавия любое проявление оппозиции преследовалось. Но прошло еще 10 лет, и в годы победившей советской власти — «государственной формы диктатуры пролетариата» (выражение И. Сталина) — была уничтожена вначале еще существовавшая в стране легальная оппозиция, а затем и так называемый внутривнутрипартийный оппозиционный блок (Каменева, Зиновьева, Троцкого). На том основании, что «без железной дисциплины партии, — заявил Сталин на XV Всесоюзной конференции ВКП(б) в 1926 году, — ...невозможна диктатура пролетариата». «Поэтому очередная задача партии состоит в том, чтобы вскрыть принципиальную несостоятельность основных взглядов оппозиционного блока... на предмет их полного преодоления»*.

К чему привело со временем, в послевоенные десятилетия, отсутствие в стране легальной оппозиции — известно: в августе 1991 года исчезла КПСС, а затем распался Советский Союз. Разумеется, не только по названной причине, но отсутствие политической и эконо-

---

* *Сталин И.В.* Сочинения. М., 1948. Т. 8. С. 225, 216.

мической конкуренции и независимого гражданского общества, несомненно, сыграло в этом решающую роль. Однако этот исторический урок, к сожалению, не был извлечен ни политическим сообществом, ни предпринимателями.

Напомню: в 1996 году в Государственной думе обсуждался закон о правовых основах оппозиционной деятельности, который она приняла в третьем чтении, передала в Совет Федерации, но закон так и не был принят. А что касается бизнеса, то фактически сразу после ареста М. Ходорковского в октябре 2003 года члены Российского союза промышленников и предпринимателей решили, что будет только хуже, если они примут обращение в его защиту, полагая, что суд разберется. И тем самым неопределенность правового статуса оппозиции позволила власти сдерживать критику своих действий как в центре, так и в регионах, наступая на старые грабли, под предлогом сохранения порядка и стабильности в обществе.

Либеральный лексикон

Либеральные ценности. Когда-то в своей рецензии на первые изданные 12 томов «Словаря русского языка XI–XVII вв.» я писал, что слова, как люди, рождаются и живут по своим законам, и наше желание понять эти законы, когда идет речь о родном языке, естественно. Издание Словаря — явление уникальное. Оно позволяет читателю впервые познакомиться в таком объеме с прошлым современного русского языка, его богатством и особенностями, а специалистам открывает возможность обсуждения вопроса о развитии великорусского языка XIV–XVII веков. И, характеризуя издание в целом, отметил, что все значения приводимых в Словаре слов иллюстрируются, как правило, двумя цитатами, раскрывающими каждое значение и дающими представление о хронологических рамках употребления слова на основе всех известных науке памятников письменности Древней и средневековой Руси. Первая цитата (со ссылкой на соответствующий источник) является ранней, вторая — поздней*.

---

* См.: *Сенокосов Ю.П.* Словарь как источник знаний о мире // *Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1987.* М.: Наука, 1987. С. 276–285.

Между тем на развитие русского языка, начиная с XVIII века, когда он стал обретать современные черты, в огромной степени повлияло, как известно, появление новых речевых контекстов, вызванных процессом общественного разделения труда и постепенно изменивших его словарный состав и синтаксис. Это происходило и раньше, но последствия наметившегося перелома в этот период оказались для языка, безусловно, решающими. И, помню, меня как читателя удивило в то время отсутствие в издаваемом Словаре таких слов, как *анализ, дискуссия, критика, мораль, атеист, литература, культура* и т.д.

Впрочем, и об этом стоит тоже сказать, в задачу составителей Словаря не входил анализ причин появления или исчезновения определенного слова. Нас же сегодня интересует скорее смысловая преемственность в жизни слов родного языка, поскольку любое слово живет в речевом контексте, который выявляет нередко скрытые лексические оттенки и смыслы языковых высказываний.

Поэтому появление книги «Либеральный лексикон» (Спб.: Нестор-История, 2019. — 184 с.) можно и нужно приветствовать. Ее авторы И.Б. Левонтина и А.Д. Шмелев рассматривают важнейшие понятия либерального дискурса и примыкающие к ним понятия: *свобода, демократия, плюрализм, справедливость, права человека, частная собственность* и др. Их историю, начиная с XIX века, а иногда и с более раннего времени.

Почему это важно? Потому что взаимопонимание, возможность осмысленного общественного диалога, пишут авторы во Введении, определяется ясностью используемых языковых выражений. И эффективность

либерального дискурса возможна только в том случае, если будут правильно выбраны ключевые понятия и выражающие их языковые единицы. Подчеркивая при этом, что «в общественном дискурсе условности крайне нежелательны, следует опираться на естественные представления носителей языка о значении слов» (с. 11). То есть, по сути, обращая внимание читателя на то, как это происходило в Европе в процессе формирования либерального лексикона, ставшего со временем ее интеллектуальным вкладом (наряду с научно-техническими изобретениями) в создание современной цивилизации (глобального мегаполиса). Благодаря появлению институтов разделенной политической власти (на законодательную, исполнительную, судебную) и судебной (прокурор, судья, адвокат), выполняющих функцию цивилизующего начала.

Разумеется, в разных европейских и, шире, западных странах это происходило в разное время по-разному, но, как правило, с опорой на общую складывавшуюся интеллектуальную (античную) и духовную (христианскую) традицию. И Россия не является исключением. Рецензируемая книга подтверждает это, позволяя лучше понять отечественный словарь, используемый в либеральном дискурсе. А именно — ответить прежде всего на вопрос, почему слово «либерализм» (от лат. *liber* — свободный), вошедшее в русский язык из французского в конце XVIII века, продолжает сохранять и сегодня негативный оттенок, но уже не вольнодумства, а скорее в значении «излишняя терпимость», «политика уступок» и т.п. Тогда как в английском языке (и не только) это слово, также имевшее негативный оттенок, его утратило.

Известно, что наше познание начинается с чувства, или, согласно Канту, с априорных форм чувственности (пространства и времени). И затем переходит на уровень рассудка, то есть упорядочения, анализа материала чувств на основе существующих понятий, и заканчивается в разуме, имеющим дело уже не с понятиями и анализом, а с идеями и синтезом.

Я напоминаю об этом, отвечая на поставленный вопрос, чтобы вернуться к сказанному авторами по поводу естественных представлений носителей языка о значении слов. Согласен, что именно на них следует опираться в общественном дискурсе, поскольку они конкретны и понятны. Однако успех познания обеспечивает не только рассудок, но и разум. Именно в разуме заложено человеческое стремление к «безусловному знанию» (Николай Кузанский), вытекающее из этических запросов и породившее естественный процесс разделения властей.

Что же касается России, то здесь стремление к безусловному знанию (которое достижимо только символически) развернуло в начале XX века идущий процесс разделения властей в сторону тоталитаризма. И сегодня, когда слово «свобода» ассоциируется с патриотизмом («отдать жизнь за свободу и независимость родины»), рассчитывать на либеральное разделение властей трудно. На фундаменте насилия ради безопасности, а не во имя свободы можно создать только авторитарное государство. А чтобы появилось правовое государство, нужны гражданская активность и понимание ценностей либерализма: смысла личной свободы и личной ответственности, разделения властей и децентрализации власти на основе принципов федерализма и местного само-

управления, частной собственности и прав меньшинств.

Статус этих ценностей, отмечают авторы книги, в общей системе либеральных взглядов различен. Теснее всего понятие «либеральный» связано с базовыми понятиями «свобода» и «права человека». «Поэтому для понимания особенностей восприятия либеральных ценностей носителями русского языка полезно обращаться к тому, как понятия свободы и прав человека преломляются в зеркале русского языка» (с. 14).

Приведу авторское заключение о их личном восприятии используемых в либеральном дискурсе слов и языковых выражений и отношении к ним: каждое из этих выражений «отягощено историей своего бытования в языке... Мы увидели, как по-разному люди понимают такие слова и сколь различные ассоциации эти слова у них вызывают. О *свободе и правах человека* рассуждали такие разные люди, как обер-прокурор Святейшего синода Константин Петрович Победоносцев и философ Владимир Соловьев, математик Александр Есенин-Вольпин, писатель Александр Солженицын и член Политбюро ЦК КПСС Александр Яковлев. Поразительно, как часто непонимание между людьми и даже невозможность содержательного разговора обусловлены именно смысловой перегруженностью и неоднозначностью ключевых понятий» (с.181).

Что же необходимо для достижения взаимопонимания?

Отвечая в конце книги на этот вопрос, авторы цитируют известного русского историка, философа и публициста Георгия Федотова (1886–1951). «Перед демократической культурой стоит задача необычайной

трудности: *найти общий язык*, общую веру, не прибегая к насилию в духовной борьбе». И советуют «не забывать о лингвистическом аспекте проблемы, связанным с тем, что непонимание часто начинается уже на уровне словаря».

Язык осмысленного диалога. «Демократия — наилучшая форма правления, за исключением всех остальных», — сказал когда-то Черчилль. Наихудшая, как я понимаю, только в одном смысле: под демократией он имел, очевидно, в виду некое пространство, которое никто не имеет права приватизировать или национализировать целиком. Ни король, ни народ, ни партия, ни бизнес, потому что в условиях демократии есть место всем. Но эти «все», увы, далеко не всегда могут найти общий язык, чтобы договориться и перестать воевать, воровать, лгать, обижаться, мстить, не соглашаться. И в результате появляются, как мы об этом знаем из сочинений Платона и Аристотеля, «дурные» формы правления (тирания, олигархия, охлократия) и «хорошие» (монархия, аристократия, полития). А среди «хороших» наилучшей является полития — совокупность умеренной олигархии и умеренной демократии. Или, другими словами, власть полноправных граждан, так как в античных демократиях полные права имел далеко не каждый человек и демократия не являлась властью народа. Демократия — это городская, полисного типа, государственность (от др.-греч. πόλις, πολιτεία), а точнее, особая форма организации общества, должностные лица в которой выбирались гражданами путем голосования (прямая демократия) либо с помощью жребия, считавшегося проявлением воли богов.

Вопрос: может ли язык стать собственностью государства, то есть быть национализированным или приватизированным, как и демократия, и если да, то когда это произошло? Задаю этот вопрос после бурной критической реакции в соцсетях на слова Гасана Гусейнова, назвавшего русский язык «убогим и клоачным». И ответившего на критику в «Московском комсомольце» 30 октября 2019-го, что «русский язык не является собственностью какой-либо этнической группы или государства».

Почему? Ведь известно, что главным объединяющим признаком нации является именно язык, который возникает одновременно с нацией и является ее творением. «Язык есть дыхание, сама душа нации», — говорил основоположник языкознания В. Гумбольдт. Именно национальный язык создает удобство для повседневной жизни каждого человека, читаем мы в Википедии, является средством развития всех видов искусства, образования, науки, создания национальной культуры и ее передачи следующим поколениям. А раз так, то он, конечно, нуждается в защите, учитывая, что единство языка не поддерживается автоматически, само по себе, и эту его функцию берет обычно на себя государство. А националистически настроенные граждане становятся борцами за его чистоту.

Между тем Гасан Гусейнов прав: чувство качества языка находит *свой путь* для его самосохранения в условиях «общественного неблагополучия и одичания». Будет ли это естественное вхождение в национальный язык латинского слова «либерал» или появление нового слова, обозначающего научное открытие, стилистическую особенность нового художественного

или музыкального произведения и т.д. Как заметил один из участников сетевой дискуссии, язык живет своей жизнью в долгом времени, а «речь, то есть процесс превращения языка в конкретные высказывания, она ведь у нас и правда примитивизирована» (Михаил Немцев). И поэтому, добавлю, в отличие от языка ее национализируют и приватизируют. А язык, живущий по законам любознательности и додумывания человеком до конца, что его действительно интересует, приватизировать невозможно. Пространство языка — это пространство и время свободы, благодаря которой человек выражает свою человечность, настаивая на существовании либеральных ценностей.

Этому фактически и посвящена книга «Либерализм в XXI веке: Современные вызовы свободе и новые либеральные ответы», в подготовке которой приняли участие более 70 экспертов из России и европейских стран*.

Книга необычная: она создавалась на основе серии семинаров, проведенных в Москве в 2017–2018 годах по инициативе российского либерального политика, профессора НИУ ВШЭ историка Владимира Рыжкова и Юлиуса фон Фрайтага-Лорингховена, главы Московского офиса немецкого либерального Фонда Фридриха Науманна.

Всего состоялось 13 семинаров, каждый из которых был посвящен одной из ключевых проблем либеральной политики. При этом было отобрано 11 острых про-

---

* Либерализм в XXI веке: Современные вызовы свободе и новые либеральные ответы / Фонд Фридриха Науманна; Экспертная группа «Европейский диалог»; Фонд «Либеральная миссия». М.: Мысль, 2019.

блем современности, которые авторы называют вызовами для современного либерализма: кризис либеральной демократии; кризис социального государства; либерализм и национализм; кризис экономического развития; централизация и децентрализация; либерализм и Интернет; либерализм и миграция; права человека — вызовы XXI века; либерализм и культура; либерализм и религия; либеральный подход к кризису глобального миропорядка.

Эти проблемы, естественно, формируют дискуссионное пространство и для тех, кто бросает либералам вызов. Ведет на либерализм наступление с позиций авторитаризма, национализма, ксенофобии, милитаризма, этатизма, протекционизма, популизма. Заданный участниками дискуссий и авторами книги контекст для анализа и понимания *современного* кризиса мирового миропорядка не является принципиально новым. Его современность в масштабе и количестве вызовов всему человечеству. Когда традиционные проблемы зла и добра, свободы и безопасности, то есть самой жизни, приобрели глобальный характер. До этого в истории Европы уже не раз предпринимались усилия разными странами для поиска мира и безопасности, начиная с Вестфальского соглашения о мире, которое подвело итоги Тридцатилетней войны, закончившейся в 1648 году, и кончая Ялтинско-Потсдамской системой международных отношений, сложившейся по итогам Второй мировой войны.

Напомню сказанное Михаилом Жванецким о зле и добре.

«Зло конкретно, четко, ясно. Зло всегда с цифрами в руках... Зло материально понятно, ясно и легко овладе-

вает массажи. Толпа не побежит в больницу перекладывать больных и мыть полы. Но мгновенно сорвется бить людей и поджигать дома. Зло рождается вместе с ребенком, колотит, бьет, щипает. И только постепенно в душу входит его противоположность. Добро накапливается. От услышанного. От увиденного. От прочитанного. Оно требует нежной мамы и времени. Оно складывается по словам, по поступку, по страничке. Оно идет от тех, кто через это прошел и сам понял, что погасить полезнее. Не вспылить, не бросить злое слово... Неправота твоя не в слове, а в злости. Добро твое накапливается всю жизнь и всего лишь достигает уровня, достигнутого другими. Поэтому так мало изменений в морали за века. Добро полностью не передается. Ему нельзя обучить. Злу можно. Зло передается. А накопленное добро умирает с каждым. И все начинается снова...

Характер человека не зависит от науки, потому что наука его не совершенствует. Человек в прямой связи с добром и злом».

Авторы книги убеждены, что лучшей альтернативы, чем либерализм, для человечества в XXI веке не существует. Об этом свидетельствует, в частности, появление, по словам известного журналиста Андрея Солдатова, Интернета, ставшего не просто частью нашей жизни, но и значимым фактором производства, торговли, культуры, личной жизни. Однако «налицо феноменальное явление: общество и государство пока не готовы — к счастью, сказал бы либерал, к сожалению, сказал бы консерватор — с этой новой средой работать» (с.179). Но либералы при этом, естественно, выступают за свободу Интернета, признавая одновременно справедливость претензий государства, так как

в Сети так же, как и в жизни вокруг нас, есть и террористы, и педофилы и т.д.

Должно ли общество в таком случае делегировать государству долю ответственности в регулировании Интернета для защиты общественного блага и общественной безопасности и если да, то какую? Должно ли это делать отдельное национальное государство или международное сообщество?

То есть, иными словами, как можно, с точки зрения либералов, сочетать свободу и безопасность, учитывая уже появившийся в Интернете монополизм? Когда в руках трех ведущих мировых производителей смартфонов и основных продавцов интеллектуальных средств, как утверждают специалисты, сосредоточено больше власти, чем у 90% глав государств.

Ответ: «Свои усилия в борьбе за свободу слова мы должны сосредоточить в том сегменте Интернета, который связан с политикой, общественными дискуссиями, общественными расследованиями. Нашим приоритетом должна стать борьба с политической цензурой» (с. 204).

На мой взгляд, это один из самых актуальных и важных ответов на вызовы свободе в XXI веке, если не забывать, что Интернет вошел в нашу жизнь как пространство свободы.

Либеральный лексикон интереснее и богаче академического Словаря, потому что он подсказывает нам и помогает понять, как и по поводу чего мы мыслим. Например, что такое управление и что означают производные от него слова «управлять», «править», «исправить», «направлять». Почему столько слов, характеризующих наше действительное знание и пони-

мание термина «право», вошедшее когда-то в либеральный лексикон.

Почему, когда мы начинаем говорить о свободе, сразу вспоминаем о безопасности? Или говорим о жизни и невольно думаем о здоровье. Очевидно, полагая, что здоровье и свободу обеспечит кто-то другой, например государство. Как выйти из этого круга надежды и безответственности перед собственной Свободой.

Вместо заключения

Школа гражданского просвещения прямого отношения к профессии не имеет, сказал я в начале книги. Потому что профессия — это разновидность человеческой деятельности, требующая специальных знаний и навыков, которыми человек овладевает в результате обучения в самых разных высших и средних специальных учебных заведениях. Какие это знания и навыки?

О природе, получаемые на основе изучения естественных наук; об обществе, источником которых являются социальные науки; о человеке — благодаря антропологии — совокупности дисциплин, занимающихся изучением его происхождения, развития и существования в природной и культурной средах. Цель же и миссия Школы иная — это место для дискуссий о смысле нашей совместной жизни в эпоху Интернета, о последствиях пандемии и возросшей потребности не только в специальных знаниях, учитывая, что мышление не дано человеку природой. Мы ведь слышим физические звуки, фонемы (др.-греч. φωνή — звук), а воспринимаем их как некие уже смысловые единицы языка на уровне фонем, морфем и лексем (слов). И то же самое относится к глазу, когда говорят, что глаза нужны человеку, чтобы смотреть. А как на самом деле мы

воспринимаем увиденное и услышанное? Каким образом это происходит? Разве мы действительно обладаем мышлением генетически, как чем-то таким, что существует у нас от природы?*

То есть, по сути, перед нами античная проблема **бытия** — поиска того, что «действительно имеется» и ни в чем само не нуждается, но в чем, как показывает исторический опыт, нуждаемся мы. Характеризуя это нечто как Единое и неизменное, как Свет, Истину, Добро, лишив Единое чувственных качеств, древнегреческий философ Парменид (ок. 540 — ок. 470 до н.э.) в своей поэме «О природе» наделил его качеством **мысли**; ввел в философию интуицию бытия как мысли. «Одно и то же есть мысль и то, о чем мысль существует. Ибо ведь без бытия, в котором ее выражение, мысли тебе не найти».

Мыслить и быть — одно и то же. А это значит, что мысль и то, что помыслено, и есть Свет, или смысл Света, и есть Истина, или смысл Истины...

Однако со временем развитие науки и техники вытеснило «бытие», в том числе и декартовское «я мыслю — я есть», и привело к появлению понятия объективной реальности. А затем мышление и реальность, по словам Ханны Арендт, расходятся и состояние мышления, обращенного к реальности, перестает соответствовать потенциальной природе того, *каким* оно должно быть. При этом она ссылается на факт *отсутствия* мышления в гитлеровской Германии. «Мой интерес (к Эйхману) был вызван феноменом полного

---

* Михайлов А. Наследие Ханны Арендт // Общая тетрадь: Вестник Школы гражданского просвещения. М., 2020. № 2–3(79).

отсутствия мышления», — пишет Х. Арендт в книге «Банальность зла».

«Было бы глупо не разделять мышление и реальность, — говорится в книге Джорджа Сороса «Кризис мирового капитализма», — и относиться к нашему взгляду на мир, как будто этот взгляд и мир — одно и то же; но было бы также неверно рассматривать мышление и реальность как абсолютно разделенные и независимые явления. Мышление людей играет двойную роль: это одновременно и пассивное отражение реальности, которую они стремятся постичь, и активный элемент, влияющий на события, в которых они участвуют» (М., 1999. — С. 10).

Как видим, это рассуждение возвращает нас к проблеме бытия, но не только, когда Сорос пишет, что было бы глупо *не разделять* мышление и реальность, а с другой стороны, неверно рассматривать их и как абсолютно *разделенные*. Потому что различие между ними, утверждает он абзацем выше, — «необходимо для рациональной мысли».

Разумеется, это аналогия, но она позволяет снова вернуться к Пармениду и задать вопрос о «тайне» тождества бытия и мышления, или, другими словами, о философской вере без оснований.

Когда мы в мысли, то мысль есть именно то, чего мы не видим, но посредством чего видим все остальное, считая это реальностью. И на этом пути из своего тела и души ткём пелену рефлексивных объективаций, продуктами которых и являются наши термины — мысли, чувство, воля, желание и так далее. Это самый трудный пункт для понимания, что такое мысль. Тут и

возникает фундаментальная разница между тем, как мы под контролем сознания и воли совершаем акт мышления, и тем, что совершается в самом акте мышления. Совершая акт мышления сознательно, мы оперируем знаками и предметно-логическими образованиями, но при этом через нас действует что-то другое, говорил М. Мамардашвили, читая курс лекций, посвященных эстетике мышления.

После лекционных курсов о Декарте, Канте, Прусте, а также по античной и современной философии это был, по сути, итоговый курс, прочитанный Мамардашвили в Тбилисском университете в 1986–1987 годах, когда он стремился показать своим слушателям, опираясь на свой жизненный опыт, как человек мыслит и способен ли он в принципе подумать, чем он мыслит. Когда не может посмотреть на это со стороны, а значит, использовать мысль в качестве инструмента в прагматических целях. И поэтому, считал он, мысль как таковая, когда она становится предметом философствования, никому не предназначена. Она не для просвещения, если человек сам не предпринял для этого личных усилий. То есть не отличил хотя бы раз в своей жизни понятие мысли от самой мысли, в которой, как он выражался, «ты отсутствуешь, но она есть», и, следовательно, твоя задача, когда она озарила тебя, попытаться каким-то образом удержать ее, чтобы оставаться человеком.

Таков эмоциональный пафос «Бесед о мышлении», которым их автор стремится заразить сегодня и нас, когда мы имеем возможность прочитать или послушать их в виде аудиокниги. А прочитав или послушав, убедиться, что наша жизнь действительно невозможна

без философии, которой Мераб Мамардашвили служил, повинаясь голосу призвания. То есть, не ожидая подвигов от других, а поставив бытийно-личностный эксперимент на себе. И тем самым доказал, что философская вера существует, так как «то, что описывается в философии очень сложно, является некоторыми формами, имеющими для нас изначальный жизненный смысл, потому что через эти формы впервые конституируется в нас наше человеческое... понимание того, что уже есть в нас, но что мы переживаем, переживая *другое*»*.

Признаюсь, в конце 1990-х, когда была издана упомянутая книга Дж. Сороса, я не обратил внимания на тематическую близость сказанного за 10 лет до этого автором «Бесед о мышлении» написанному автором «Кризиса мирового капитализма» и создателем фонда «Открытое общество». Хотя знал, что Сорос после Второй мировой войны был аспирантом философа Карла Поппера в Лондонской школе экономики. И что Попперу принадлежит понятие открытого общества — антитезе понятию тоталитарного общества. Однако в перестроечной России о Соросе заговорили в какой-то момент не как о философе, а как известном финансисте и филантропе, который помогает российским ученым.

Но вот что пишет Сорос в первой главе своей книги о «кризисе», имеющей подзаголовок «Открытое общество в опасности». Цитирую почти дословно.

---

* *Мамардашвили М.* Беседы о мышлении. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2015. С. 404.

Каково отношение между мышлением и реальностью? Согласен — это окольный путь рассмотрения *философии делового мира*, но его нельзя избежать. Рефлексивность означает, что наше мышление активно влияет на события, в которых мы участвуем и о которых мы думаем. Это не запутанный философский вопрос. Когда дело доходит до принятия решений (политиками, бизнесом), возникает естественный недостаток соответствия между ними, то есть между мышлением и реальностью, а его последствия скажутся «только где-то в будущем и зависят от решения участников» (с. 15).

Таким образом, соросовская концепция открытого общества основана на признании ошибочности нашего привычного отношения к реальности и возможном преодолении такого отношения с помощью философии. А Мамардашвили в отличие от Сороса, акцентируя внимание на проблеме тождества бытия и мышления, говорит фактически то же самое как философ, что человеческое в человеке, его характер не рождается естественным, природным путем, а есть то, что мы можем, выбираем и решаем, когда это есть, в результате «нравственной революции». И с решением этого *сдвигаемся* в горизонтали нашей жизни с ее эмпирической дурной бесконечностью «выбора» к некоей первичной, не имеющей без такого *вертикального* сдвига очевидности или нерасчлененной целостности Света, а не Тьмы, Добра, а не Зла, Истины, а не Лжи.

А в другой, религиозной, традиции это называют откровением — понятием, тоже когда-то изобретенным человеком, стремившимся, скорее всего, дать себе

отчет на рефлексивном уровне в том, что с ним происходит в ядре мысли.

Так рассматривается в философии и сегодня проблема онтологического и гносеологического статуса универсалий — общих понятий при ответе на вопрос, что такое реальное бытие и каким образом существует идеальное.

Вера, как известно, есть вера во что-то недоказуемое. В отличие от доверия, которое считается основой социальных институтов, а его главным признаком — наличие такого факта в отношениях между людьми, как верность.

Имеет это какое-то отношение к парменидовской интуиции бытия как мысли? Учитывая напрашивающееся невольно в этой связи сравнение «вертикального сдвига» с «вертикалью власти». Обратимся к истории России.

В переписке с Андреем Курбским Иван Грозный, оправдывая начатые им массовые репрессии и казни, писал: «Что ты, собака... пишешь и жалуешься!.. Или, по-твоему, праведно поступили те твои дьявольские единомышленники, которые сбросили монашескую одежду и пошли воевать против христиан?»

«Зачем ты презрел апостола Павла, говорящего: „Всякая душа да повинуется властям; нет власти не от бога; тот, кто противится власти — противится божьему повелению“? Смотри и разумей: кто противится власти — противится богу; а кто противится богу, тот называется отступником».

«Русские самодержцы изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи! А ты этого в

своей злобе не смог понять, считая благочестием, когда самодержавие находится под властью известного попа (то есть папы. — Ю.С.)»*.

Разумеется, к интуиции Парменида это отношения не имеет. Как и к «откровению», хотя после убийства сына, испытывая раскаяние, Иван Грозный велел составить список жертв своего правления, который в год его смерти в 1584 году вырос до 3000 с лишним имен. И его копии, вместе с денежными пожертвованиями, рассылались по крупнейшим монастырям России с распоряжением молиться за упокой их душ.

А после 1917 года, в СССР? Можно ли в этом случае говорить о доверии, а не вере, когда в стране победил атеизм? Можно, если не забывать известное советское выражение «Доверяй, но проверяй!» — на соответствие того, что было доверено партией большевиков. Но и не забывать, что именно оно привело к массовому террору и состоянию мышления, которое перестало соответствовать его потенциальной природе.

Согласимся с известной констатацией, что СССР был лучшим в истории человечества полигоном по испытанию различных проб и ошибок на пути к народо-властию. То есть к «народной демократии» — форме осуществления власти народного большинства. И не забудем, про начало этого пути — якобинскую диктатуру во Франции, когда была провозглашена идея радикального эгалитаризма, республиканизма и применения насилия для достижения целей, приведших к соз-

---

* Послания Ивана Грозного. СПб.: Наука, 2005. С. 290, 286, 288.

данию революционного правительства 1793–1794 годов. Сравним ее с властью в СССР, чтобы задать еще один вопрос.

Может ли измениться в наши дни форма суверенной авторитарной власти на **разделенную власть**, когда формой отношения к власти станут действительно **конкурентные, честные выборы**, а формой осуществления власти — **процедура соблюдения верховенства права**? Возможно ли это? И если возможно, то каким может стать начало другого пути? Или это начало и другой путь уже существуют, так как именно о них говорится в документах ООН.

Заглавие книги «В поисках утраченного универсализма» не предполагает его обретение, подобно обретенному времени в известном романе Марселя Пруста. Потому что речь здесь идет не о времени, оно необратимо, а об утрате доверия к универсалистскому духу целей и принципов, провозглашенных в Уставе ООН.

Сколько бы ни шло сегодня споров о реформировании структур ООН, под эгидой которой работают тысячи международных межправительственных и неправительственных организаций, главным, по словам ее официальных представителей и независимых экспертов, остается вопрос, отвечает ли эта организация вызовам современности, готова ли она противостоять и таким новым угрозам, как пандемия коронавируса, с которыми сталкивается мировое сообщество.

Да, в наши дни это — иной набор проблем, нежели те, для решения которых 75 лет назад создавалась ООН. Современные международные организации пытаются найти свою роль в новую эпоху. Однако столкновение их бюрократической структуры с акти-

вистским гражданским порывом, говорят выступающие на семинарах Школы эксперты, приводит к тому, что рушится репутация, хорошие дела, так как исчезает их мировоззренческая основа — слово «ценности».

«Гражданское общество рождается из профессионалов и активистов. Будущее больших общественных организаций возникнет, когда мы переизобретем универсализм. Нам его надо именно переизобрести, в смысле и фундамента, и постройки нового здания на этом фундаменте»*.

---

* *Панфилова Е.* О бюрократии и ценностях // Общая тетрадь: Вестник Школы гражданского просвещения. М., 2020. № 1(78). С. 10.

Благодарности

Я хотел бы поблагодарить за помощь, участие и содействие в подготовке этой книги нескольких близких коллег и друзей —

Инну Березкину,

Андрея Колесникова,

Джона Ллойда,

Михаэля Мертеса,

Александра Шмелева

и любимую жену Лену Немировскую.

Приложение

НЕ ЗАЧЕРКНУТЬ, НЕ НАЧИНАТЬ СНАЧАЛА...*

(беседа с Ю. Сенокосовым)

— Юрий Петрович, вы один из инициаторов издания той серии книг, которая возвращает нашему читателю работы философов и мыслителей конца XIX и XX веков. Эта серия сегодня издается в виде приложения к журналу «Вопросы философии». Сам по себе замысел не может не вызвать уважения и, я бы даже сказал, некоторой профессиональной зависти: вернуть из небытия работы Владимира Соловьева, С. Франка, Н. Бердяева, К. Кавелина, В. Розанова и многих-многих других — дело архиважное. И вот вы занимаетесь этой работой. Готовите рукописи, примечания, биографии... И, как я знаю, недавно в связи с этой работой выезжали во Францию?

— Ну, прежде всего я хотел бы сказать, что действительным инициатором и автором замысла этой серии является Анатолий Александрович Яковлев — ответственный секретарь журнала «Вопросы философии». Это его заслуга, что он сумел создать по-настоящему профессиональный коллектив сотрудников, осуществляющих это издание. Но я уверен, что без помощи

---

* Вестник высшей школы. М.: 1990, № 11. С. 51–57.

западных специалистов нам в этом деле все же не обойтись. Нам нужно обязательно развивать с ними сотрудничество, включая и деловые контакты с издательством «ИМКА-Пресс». Вся выпускавшаяся этим издательством литература там — на Западе — практически никому не нужна, кроме специалистов. Поэтому я и говорю о них. Нам же она оказалась сегодня нужной, и мне очень хотелось встретиться с директором издательства — Никитой Алексеевичем Струве. Хотелось сказать ему, что сейчас есть все условия для продолжения в России той работы, которой они занимались на протяжении десятилетий. Ведь все это время они издавали литературу, очевидно, в надежде, что рано или поздно она кому-то понадобится, пригодится. И потом, на Западе есть много архивов, содержащих массу других интересных, еще не опубликованных материалов.

Впрочем, для встречи с директором издательства был и конкретный повод: я знал о существовании книги С. Булгакова «Трагедия философии». По-немецки она была издана во второй половине 20-х годов, на русском же языке до сих пор не издавалась. Но, как я знал, рукопись этой книги существует. И в командировку я поехал с целью переговоров по поводу ее издания. Рукопись была нам передана. Единственное, о чем меня попросили, так это о том, чтобы мы прислали хотя бы несколько экземпляров нашего издания в подарок. При этом учтите, что люди, с которыми я вел переговоры, живут весьма скромно. Да и само издательство буквально воскресло в 70-е годы во многом благодаря поддержке со стороны А. Солженицына и публикации тех материалов, которые передавались

отсюда людьми, также стремящимися к сохранению нашего культурного наследия. Как бы то ни было, этим издательством за годы его существования были выпущены сотни книг, я не говорю уже о других изданиях 20–30-х годов. Например, о журналах «Путь», «Новый град», «Современные записки». На их страницах — вся история русской эмиграции и одновременно — русской культуры. Здесь и философия, и социология, и наука, и литература, конечно, в том виде, как они существовали в сознании и представлениях наших зарубежных соотечественников.

— По-моему, и эмиграция, и Запад сделали очень много для сохранения русской культуры. В Цюрихском университете мне показывали знаменитую библиотеку русской эмиграции, которая начала складываться еще в середине прошлого века. Это библиотека на общественных началах и комплектовалась, и велась силами русских эмигрантов сначала XIX, а потом и XX века. Какие-то неведомые нам старушки из последних сил старались поддержать, сохранить эту библиотеку. Когда же поняли, что сил на это у них уже нет, передали ее университету. И теперь она там вместе с массой других русских периодических изданий первой четверти XX века. Очень интересная библиотека, собранная тоже благодаря усилиям эмигрантов, находится, кстати, и в православной церкви в Женеве.

— А какая поразительная библиотека в Медоне под Парижем! Или собрания русских книг в университетах Оксфорда и Кембриджа. В позапрошлом году я был первый раз в Англии и там встретился с пожилой

дамой, которая родилась в России. В возрасте четырех лет в 1922 году она была вывезена отсюда родителями. Вторая встреча с эмиграцией — встреча с Н. Струве.

И вы знаете, я увидел по-своему уникальных людей, являющихся носителями, если угодно, некоего идеального образа России, знакомого нам разве что по литературе. А для них, выросших вдали от родины, она все еще ассоциируется, я думаю, с именами И. Бунина, Н. Бердяева, С. Франка, С. Булгакова, П. Струве, которых они хорошо знали, слушали, читали. В условиях эмиграции они сохранили в себе тот образ России, который, к сожалению, почти не имеет уже ничего общего с реальностью.

— А давайте, Юрий Петрович, вспомним о тех условиях, в которых жили выдворенные из России, зачастую против собственной воли, люди, составлявшие цвет русской культуры.

— Трудные условия, крохотные пособия. Жены работали: кто в магазине, кто делал шляпки, а в это время мужья писали книги. По рассказам их родственников и знакомых, так жили Семен Франк, Георгий Федотов, Петр Струве и многие другие.

В наши дни мы можем лишь гадать — спасла ли действительно высылка этих людей от физического уничтожения в годы сталинских репрессий или их присутствие в стране, напротив, каким-то образом могло все же стать сдерживающим фактором на пути начавшегося террора. Во всяком случае, должно было пройти ровно 66 лет, прежде чем в мае 1988 года их имена были возвращены в отечественную культуру и тем

самым появилась возможность узнать правду о том, как они жили, что думали, о чем мечтали.

— *Сегодня мы знаем, что наши писатели, скажем, Михаил Булгаков или Осип Мандельштам, писали в стол. Может быть, и они, я даже уверен в этом, жили мыслью о том, что их опыт в дальнейшем пригодится другим?*

— Но, сегодня, когда мы уже об этом знаем, хочется невольно склонить перед ними голову. Несмотря на все трудности, эти люди до конца дней несли в себе нечто вполне устойчивое, достойное человеческой жизни. И вместе с тем многие из них весьма критически относились к Западу. Читая их работы, я часто задаю себе вопрос: почему? Почему, отталкиваясь от Запада, они продолжали верить в Россию? Почему в их жизни точкой отсчета оставались прежде всего страна и народ, а не человек? Не личность? Ведь все они почитали Евангелие, были верующими.

Один пример. Сразу после войны Бердяев стал искренне и громко восхищаться одержанной победой. В итоге, поскольку его патриотическое слово звучало достаточно авторитетно, на его совести оказались судьбы людей, вернувшихся на родину и тут же отправленных в лагеря. Спрашивается: каким образом, почему философ, всю жизнь отстаивавший идеал свободы и поклонявшийся истине, был охвачен этим чувством патриотизма?

Одним словом, я думаю, у нас есть сегодня все основания говорить не только о мужестве и красоте, но и о духовной драме этих людей. Этим стоит заняться хотя

бы для того, чтобы разобраться в парадоксах русской гениальности, которая, в общем-то, очевидна...

— Многие считают, что для разрешения наших сегодняшних проблем нужно вернуться в прошлое, подхватить прерванную нить своей истории и культуры. Насколько в таком случае может, по вашему мнению, помочь в этом, то есть в том числе и в решении стоящих перед нами проблем, философская мысль рубежа XIX–XX веков?

— Ну, если мы согласимся, что наши проблемы те же, что и в начале века, а лично я считаю, что по существу они те же самые, то ответ, очевидно, напрашивается сам собой: не может. Ибо если они не справились с ними тогда, то едва ли она способна решить их сегодня. И все же, поскольку речь идет о философской мысли и о восстановлении с ее помощью, как вы сказали, «прерванных нитей», я бы воздержался от этой категоричности. Постараюсь пояснить сказанное.

Нет сомнения, что история России распадается на две эпохи: большую — до 1861 года, когда шел процесс закрепощения и постоянного подавления государством всех самостоятельных форм жизни, и с 1861 года после отмены крепостного права, когда появилась гласность (это слово вошло, кстати, в русскую жизнь именно в те годы), стали развиваться структуры гражданского общества и т.д. То есть уже это — чисто формальное соотношение **веков** и **десятилетий** с их соответствующим историческим опытом жизни народа не могло не сказаться в решающий момент на выборе его самостоятельного пути развития и главное — на умении следо-

вать по этому пути. Созидать новые, действительно демократические формы своего существования. Ибо психология, быт и особенно язык — его «внутренняя форма» — создаются народом на протяжении столетий, они наиболее трудно поддаются изменениям. Не случайно все это продолжает оставаться актуальным и сегодня, после второй «отмены крепостного права».

Издание творческого наследия отечественных мыслителей, жизнь которых была так или иначе связана уже с пореформенной Россией, открывает возможность знакомства именно с этими трудностями духовного самоопределения как народа, так и человеческой личности.

То есть я хочу сказать, что в этом смысле мы действительно не начинаем сегодня с нуля, а можем опираться на уже существовавший дореволюционный опыт, который нужно изучать, а не полагаться на некое механическое подключение к нему.

Но можно ли и как забыть при этом весь послереволюционный опыт? Ведь в нашей недавней истории произошли вещи столь чудовищные, что они не поддаются никакому объяснению. А то прошлое, о котором мечтают, на мой взгляд, уже возвращается.

— Хорошо. История допускает разные варианты своей интерпретации. Все зависит от тех предпосылок, на основе которых производится отбор фактов, от принятой концепции. Эмиграция уделяла много внимания нашей истории. Оказавшись оторванными от Родины, наши соотечественники стремились не просто выжить, но и понять свою собственную историю и трагическую судьбу.

— Да, это так. Но поскольку они как бы незримо присутствуют в нашей жизни, то и отношение к ним должно быть, я считаю, объективным. Повторяю, их тексты едва ли способны помочь в той ситуации, в которой мы находимся. Нам нужно разорвать нашу чудовищную зависимость от прошлого. Причем не от того прошлого, которое очевидно и связано с деспотизмом, крепостной зависимостью, несвободой, а от того, что в виде своеобразного осадка или компенсации осело в наших душах на уровне предрассудков, верований, привычек и т.д. Постоянная несправедливость и трудная жизнь не лишают людей надежды и чувства собственного достоинства, но неизбежно приводят к тому, что недостатки постепенно превращаются в достоинства, а в страдании начинают видеть чуть ли не особый путь и призвание исторического развития народа. Все это, казалось бы, хорошо известно, и тем не менее у нас и сегодня можно услышать, что предрассудки — вещь важная и деликатная. Что существуют национальные предрассудки, которые нужно уважать, предрассудки воспитания, с которыми надо обходиться бережно, предрассудки религии, которые должно поддерживать. Именно так рассуждала в свое время, кстати говоря, Екатерина II, проводившая в России политику «просвещенного абсолютизма».

— *Насколько я знаю, с ее именем была связана работа так называемой Уложенной комиссии.*

— Совершенно верно. В конце 60-х годов XVIII века Екатерина II не без влияния французских энциклопедистов решила провести всероссийское собрание сослов-

ных представителей для обсуждения вопроса о правах дворян и положении крестьян. С этой целью ею был издан специальный манифест, согласно которому в Москву должны были съехаться депутаты разных сословий и привести наказы от своих избирателей. Императрица хотела знать, как она заявила в манифесте, «нужды и чувствительные недостатки своего народа». Однако, по мере того как после открытия Большого собрания, на которое прибыло свыше 500 делегатов, стали разворачиваться дебаты и выясняться истинное положение дел в стране, диктовавшее отмену крепостного права, собрание было закрыто, а через несколько лет, как известно, разразилась крестьянская война под предводительством Пугачева.

Мераб Мамардашвили как-то хорошо сказал, что в Чаадаеве он видит философа несостоявшегося русского просвещения. Сказано очень точно. Критический пафос его «Философических писем» действительно был связан во многом с тем, что просвещение, которое начиналось в России XVIII века и должно было завершиться отменой крепостного права, не состоялось. Отсюда радикальный пафос чаадаевских писем с их беспощадным анализом русской истории. И в этой связи я позволю себе отклониться, возможно, несколько в сторону, чтобы сказать следующее.

Вы правы: на историю можно смотреть по-разному. Но когда, например, тот же Чаадаев писал в «Апологии сумашедшего», что любовь к отечеству вещь прекрасная, но есть нечто еще более прекрасное — это любовь к истине, ибо первая разделяет народы, питает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур, а любовь к истине распространяет свет знания, то я не

думаю, что он стремился к созданию какой-то теории или исторической концепции. Отнюдь. Это было состояние его души, ненавидевшей рабство. Но прежде — это рабство ведь нужно было пережить и увидеть в собственной душе. Не только со стороны, как это виделось, скажем, Радищеву, не рабство других, а в собственной душе. То есть освободиться от него в себе, поскольку Чаадаев считал, что свобода воли абсолютна, если она движима любовью к истине. И поэтому, кстати, для меня нет никакой загадки в том поступке, на который решился Чаадаев, когда в 1820 году после встречи с Александром I он подал в отставку, хотя его ждала блестящая карьера. Так мог поступить только уже абсолютно свободный человек, действительно переживший, как он говорил сам, весь ужас, который заключает в себе одно слово: раб!

— Когда часы изобретены, то дальше их можно производить и совершенствовать. Но ведь прежде их действительно надо изобрести! То есть я хочу сказать, что ваше рассуждение предполагает, очевидно, наличие в человеке некоего усилия, направленного на понимание своего собственного места в мире?

— Безусловно. Ибо в такой огромной стране, как Россия, где подавляющая часть населения находилась в рабстве, думать, что остальная часть, включая царя, духовенство и т.д., была к этому непричастна, просто наивно. В условиях несвободы жили все. Но другое дело, как эта несвобода осознавалась и насколько люди были готовы при этом расстаться с прошлым. Или, точнее, с самими собой в этом прошлом.

Конечно, появление нового — будь то социальная форма или изобретение часов — обязательно связано с актом понимания. Но что это значит? Каковы условия самого чуда рождения нового? То есть те предпосылки или мысленные возможности, благодаря которым это случается, происходит в мире? На мой взгляд, философов в России именно эти предпосылки и эти возможности интересовали, в общем-то, мало. Они всегда были захвачены скорее внешними событиями, болезненно и неадекватно реагировали на чужое или, наоборот, возторгались им, не понимали друг друга и фактически поэтому так и не разработали ни собственной либеральной философии, ни философии консерватизма. Поясню, что я имею в виду.

Как вы знаете, в начале XVI века между Эразмом Роттердамским и Лютером происходила полемика о свободе воли. Казалось бы, причина ее была далека от непосредственной злобы дня. А именно — от начавшегося в эту эпоху движения за реформу католической церкви. Однако примечательны и характерны приводившиеся в ходе спора аргументы и убежденность каждой из сторон. Эразм Роттердамский как представитель христианского гуманизма, критикуя церковь за ее претензии на духовное руководство народами, занимал в споре умеренную позицию и считал, что основой реформы может быть не только свобода и изживание людьми догматизма и схоластики на путях просвещения. Лютер же, как реформатор-практик, никакой свободы не признавал (в ответ на трактат Эразма «О свободе воли» он написал полемический трактат «О рабстве воли») и полагал, что человек достигает «спасения души» лишь с помощью веры, которая даруется ему

даже не просвещенным духовенством, а непосредственно Богом. Следуя своей теории об абсолютном предопределении, он писал, что человеческая воля подобна выючному животному: она пассивно повинуется тому, кто овладевает ею. Богу или дьяволу. А поскольку сам он был абсолютно уверен, что его душа принадлежит Богу, то заявлял — и эта фраза широко известна: «На том стою, и не могу иначе».

Однако, как показала последующая история, правы по-своему они были, в общем-то, оба. Хотя бы потому, что человек одинаково стремится и к вере, и к знанию. Но так как существуют проблемы, которые неразрешимы в принципе (скажем, та же проблема свободы или смерти), то, с одной стороны, на уровне индивидуального сознания они могут «разрешаться» лишь метафизически, то есть в состоянии веры, а с другой — в рамках общественного сознания находить свое выражение в идейных движениях и появлении соответствующих институтов, знаний, идеологий и т.д. Иначе говоря, в зависимости от того, как люди истолковывают и понимают свой собственный жизненный опыт, и зависит характер их деятельности и сама способность к творчеству в этом мире.

А что мы видим в России? Вспомним хотя бы «славянофилов» и «западников». На что ориентировались и из чего исходили они в своей жизни? Славянофилы, как известно, проецировали свои надежды и личный жизненный опыт в первую очередь на прошлое русского народа и его «святую», как они выражались, православную церковь, а западники делали ставку на революцию и заимствование европейских форм жизни, и лишь Чаадаев, как я сказал, был в этом отношении

последователен, когда надеялся на рождение новой России из собственной души.

— Ну, хорошо, оставим славянофилов и западников, вернемся к нашим эмигрантам. Не вытекает ли из сказанного, что мы как нация еще не стали, а только подходили в начале XX века к моменту осознания самих себя? Быть может, пока лишь на уровне религиозной мысли, не важно. Ведь важно, что этот процесс шел.

— Что же касается эмиграции, то мое отношение к ней определяется, как я уже сказал, историческим прошлым России. Хотя я тут же должен заметить, что, находясь еще в России, будущие эмигранты, например авторы «Вех» — Франк, Струве, Булгаков и другие, на мой взгляд, сделали все, что было в их силах, для разъяснения личностной — или, назову ее условно, чаадаевской — духовной позиции. В начале века шел действительно бурный процесс не только социально-экономического развития страны, но и политического, духовного самоопределения нации и, конечно, интеллигенции. Причем независимо от религиозной или атеистической ориентации последней. Переход от материализма к идеализму, который был зафиксирован авторами сборника «Проблемы идеализма», вышедшего в 1903 году, затронул и сферу науки, и философии, искусства и т.д. Появилась независимая юридическая мысль. Происходили встречи и шли дискуссии между представителями церкви и интеллектуалами Петербурга, Москвы и других городов.

То есть я хочу подчеркнуть, что в условиях России будущие эмигранты имели возможность свободного

участия в общественной жизни и влияния на эту жизнь. И совсем другое дело, когда они оказались за пределами страны и были лишены такого участия и обречены, в сущности, на бессмысленную часто полемику или одиночество. Что, естественно, не могло не сказаться на характере их мышления и осознания самих себя, а в конечном счете — и на понимании национального характера.

Сегодня, когда выходит наша серия, под ее обложкой «мирно» сосуществуют самые, казалось бы, непримиримые между собой авторы. Например, Бакунин и Соловьев, Кавелин и Бердяев, Ткачев и Новгородцев. То есть люди, которые едва ли сумели или захотели бы договориться, понять друг друга. Но в наши дни их «непримиримость» уже не кажется мне безнадежной.

— *Что вы имеете в виду?*

— Хотя это покажется, видимо, странным, но я бы ответил так: у нас появилась возможность учиться. Учиться тому, как защитить себя от себя же — от своих страстей, агрессивности и прочей дурноты. Традиционно в русской культуре механизм такой защиты был связан, как правило, с покорностью, которая, с одной стороны, выростала из вековой готовности народа, согласно известной поговорке «Бог терпел и нам велел», к добровольному принятию своего рабства, а с другой — освящалась религиозным идеалом царской власти. Однако после отмены крепостного права механизм этот был фактически нарушен и встал вопрос не только о создании и развитии новых институтов и форм социализации, но и о сдерживании, а точнее, облагораживании человеческих

страстей в ходе их создания. Я не буду останавливаться на последствиях этого процесса, они хорошо известны. Скажу лишь, поскольку речь шла о переходном для России периоде от самодержавной формы правления к демократической и, следовательно, об отказе от идеи традиционной «сакральной власти» с ее функцией отеческой опеки в пользу «свободы», что это предполагало одновременно и проведение глубоких реформ в области образования, просвещения и т.д.

То есть для меня совершенно очевидно, что, как и в прошлом, процесс демократизации и обновления нашего общества сегодня немыслим без преобразования в том числе и системы воспитания в стране. А значит — и без обращения в этой связи к уже существовавшему историческому опыту. Ибо этот опыт (включая и опыт эмиграции) учит, что прежде всего нам нужно, конечно, расстаться с иллюзией понимания между людьми. Ведь в самом деле, если даже гениальные люди, как, скажем, Альберт Эйнштейн и Нильс Бор (вы об этом знаете), обсуждая физические проблемы, так и не смогли прийти к согласию, то возможно ли оно в принципе? Или другой пример: известная дискуссия Зигмунда Фрейда и Карла Юнга — двух великих психологов нашего времени, положившая конец их дружбе.

Так вот, если существует подобное и, как показывает опыт, неизбежное непонимание между выдающимися людьми, то как быть простым смертным, когда их споры и разногласия перерастают порой в вооруженные столкновения и гибель людей? Каковы механизмы — психологические, культурные, политические — достижения людьми в условиях свободы взаимного согласия и сосуществования?

— *Вы правы. В России всегда действительно господствовала тенденция, или, скажем так, определенная установка «навязывания» той или иной точки зрения, казавшейся при этом единственно верной, всем остальным. И тут не играет роли время, возьмем ли мы, к примеру, отношения Достоевского и Герцена в XIX веке или большевиков и эсеров в XX. Просто вначале это исходило от власти, а затем, после утраты ею своей монополии на истину, по схеме зеркального отражения стало проявляться и в общественной жизни.*

И все же, как вы представляете себе на основе того опыта, о котором говорите, выход из ситуации? Из этого, как выражаются часто, заколдованного круга?

— Вы знаете, я вспомнил сейчас одно замечательное высказывание Юрия Федоровича Самарина, по-видимому, самого пронизательного человека своего времени. Оно звучит примерно так: «Спаситель и апостолы дали нам учение об отношении человека к Богу, но они не создавали государственных форм и не писали конституций». Это было сказано в 60-е годы прошлого века, уже после отмены крепостного права.

Так вот, когда я говорил о «защите человеком себя от себя же», то имел фактически в виду то же самое. А именно что «защитить себя», если человек оскорблен или унижен, что, естественно, вызывает в нем опасное (прежде всего, для него) чувство обиды и гнева, он может и с помощью «конституции», то есть формализуя свои отношения с другими на уровне права. Но защитить себя от своих же собственных метафизических переживаний перед лицом смерти, социального

хаоса, страданий, а это, как известно, исходное человеческое переживание (помните блоковское: «Ты будешь доволен собой и женой, своей конституцией куцей, а вот у поэта всемирный запой и мало ему конституций»?), можно, видимо, только, как выражался Самарин, на уровне «отношения человека к Богу»).

То есть я хочу сказать, что это исходное человеческое переживание, из которого и вырастает культура, является во многом определяющим, если говорить о поиске какого-то выхода. Определяющим в том смысле, что должна появиться «форма», адекватная человеку как разумному существу. И с этой точки зрения духовный опыт эмиграции, на мой взгляд, бесценен. Ибо у нее была возможность обсуждать прежде всего эти проблемы, писать о них. Я имею в виду при этом книги С. Франка, С. Булгакова, Вяч. Иванова, Федотова, Флоровского, Шестова, Вышеславцева, Лосского, Ильина и других авторов нашего издания. Это тот интеллектуальный фонд, который поможет духовному возрождению культуры, если он войдет в оборот и станет достоянием общественности. А точнее, найдет свое место и в существующей системе образования. Но — и здесь я хотел бы вернуться к другой стороне проблемы — «духовность» не панацея, тем более в делах гражданских. Не случайно Самарин различал эти сферы, сказав, что персонажи Библии «не создавали государственных форм и не писали конституций». Разумеется, эти сферы взаимосвязаны. И тем не менее, как показывает исторический опыт, регулировать человеческие отношения на основе религиозных максим или заповедей, а именно это имел, конечно, в виду Самарин, можно в рамках «семьи», «школы», «братской общины», но не общества

в целом. Ибо свобода, являясь фундаментом демократии, о чем свидетельствует тот же исторический опыт, нуждается в иных, светских формах и институтах для ее поддержания. И одним из таких институтов наряду с наукой, несомненно, является развитая система права.

Поэтому, я считаю, строительство гражданского общества в нашей стране должно в равной мере опираться на весь этот опыт. Без противопоставления, как это звучит порой на страницах газет и журналов, этики экономике, морали политике и т.д. Все это — трагические последствия той долгосрочной исторической несвободы, в которой жила Россия.

— Ну, в таком случае последний вопрос. Поскольку мы начали наш разговор с западных специалистов, что, по вашему мнению, представляется наиболее ценным в их подходах к тем проблемам, которые мы обсуждаем?

— Говоря о прошлом, которое возвращается к нам сегодня, я, естественно, исхожу из важности воссоздания всего культурно-исторического контекста этого прошлого. Чтобы профессионально о нем судить, нужно, конечно, прежде всего его знать. Или хотя бы ориентироваться в нем. Иначе, возвращаясь, оно неминуемо втянет нас в водоворот тех страстей, что бушевали в России начала века. И в этом смысле, я думаю, нам еще предстоит дорасти до понимания того, что отнюдь не в прошлом находится решение наших сегодняшних проблем.

То, что все нити нашей истории должны быть восстановлены, и мы не должны при этом начинать все

сначала, очевидно. Но сам по себе этот процесс, включая и публикацию философских текстов, едва ли пока способен помочь нам разобраться в той ситуации, в которой мы находимся. Во-первых, потому что мы эти тексты плохо знаем, ибо у нас не было условий и возможности для исследовательской работы в этой области. А, во-вторых, находясь в экстремальной ситуации, которая диктует неизбежно поиск экстремальных же решений, мы не готовы к их адекватному восприятию и прочтению. Между тем у западных специалистов были и время, и возможности для объективного изучения как раз тех проблем, с которыми мы сталкиваемся, в частности, и при издании нашей серии. А главное — среди них есть по-настоящему знающие люди. Я имею в виду при этом таких специалистов, с которыми я имел удовольствие общаться лично, как Исайя Берлин и Айлин Келли из Великобритании, Ютта Шерер из Франции, Анджей Валицкий из США, Пьер Чезара Бори из Италии, Жорж Нива из Швейцарии, Михель Хагемайстер из ФРГ. Разумеется, их опыт и знания просто необходимы в нашей работе. И я считаю, что мы должны сделать все возможное, чтобы их книги стали доступны не только узкому кругу наших специалистов, но и широкому читателю. Ибо эти люди посвятили фактически всю свою жизнь изучению России.

Беседу провел О. Долженко

Юрий Сенокосов

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО УНИВЕРСАЛИЗМА
О Школе гражданского просвещения

Компьютерная верстка *В. Козак*

Подписано в печать 20.08.2020.

Формат издания 60x84/16.

Печ. л. 11,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 1280

107031 Москва,
ул. Петровка, д. 17, стр. 1
www.civiceducation.ru